

ПРАВО И ПРАВОСОЗНАНИЕ
В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ
№ 5
2021-2022

Донецк
2021-2022

УДК 340/.349"364":32/.329:93/.94(051)
ББК Х062.003+Х519 я5
П685

**ПРАВО И ПРАВОСОЗНАНИЕ
В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ
№ 5
2021-2022**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – канд. истор. наук, доц. Е.В. Щербинина

Зам. главного редактора – канд. юрид. наук Е.Ю. Краснонос

Ответственный секретарь – Ю.С. Степанова

Члены редколлегии: канд. истор. наук, доцент И.И. Лещенко; канд. юрид. наук Е.А. Матвиенко; канд. истор. наук, доцент Р.Н. Морозов; канд. юрид. наук М.П. Тишаков

*Научный журнал. Выходит один раз в год.
Рекомендовано к печати протоколом заседания кафедры
теории и истории юридического факультета ГОУ ВПО «ДонНУ»
№ 13 от 29.06.2022 г.*

Адрес редакции: к. 225, пр. Ватутина, 1а, г. Донецк, 283050, ДНР
Телефон: 38 (062) 302-09-64
e-mail: julias.stepanova@yandex.ru
kafedratigp7@gmail.com

УДК 3401.349" 364":321.329:93/.94(051)
ББК Х062.003+Х519 я5
П685

© Коллектив авторов, 2022

Зарегистрирован в РИНЦ (Лицензионный договор № 28-01/2018 от 26.01.2018 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ.....	4
Герасименко Ю.В., Петренко Е.В. МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОКОЛЕНИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА.....	16
Гулина С.Н., Гокунь Ю.С. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ИННОВАЦИЯ» И «ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И НАУЧНОЙ ДОКТРИНЕ	23
Малыхина В.В. ВОПРОС О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ЭМБРИОНА IN VITRO.....	31
Матвиенко Е.А., Малышко Н.А. ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ.....	45
Матвиенко Е.А., Щедрин Г.Ю. ПРИМЕНЕНИЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ.....	54
Мельниченко Ю. С. ФИЛОСОФСКАЯ ТРАКТОВКА ПРАВА.....	65
Миргородский А. А., Васильева Л.В., Земляк Ю.Ю. ЗАЩИТА ПРАВА НА ГРАЖДАНСТВО В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ.....	70
Руденко П.В. ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА КАК ФОРМАТ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ.....	75
Свиридова К.Е. ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО, ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПРАВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ.....	82
Степанова Ю.С. ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО СТАТУСА ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ.....	89
Степанова Ю. С., Анохина С.М. ВОЙНА И ОБЩЕСТВЕННЫЙ НИГИЛИЗМ КАК ВЫЗОВ ПРАВУ.....	95
Степанова Ю.С., Осташевская В.О. ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	100
Ткаченко М.М. СУЩНОСТЬ НАЦИСТСКОГО ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА НА ДОНБАССЕ	105
Чамлай В.В. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА.....	114
Щербинина Е.В., Присяжный В.С. ВОЕННЫЙ ОМБУДСМЕН КАК КЛЮЧЕВАЯ ФИГУРА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ГОСУДАРСТВА.....	123
Яременко Д.А.	

УДК 34.01(470)

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

Герасименко Юлия Вячеславовна

старший преподаватель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

E-mail: iuliatr@yandex.ru

Петренко Екатерина Владимировна

E-mail: e_razumnaya@inbox.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

***Аннотация.** В статье особое внимание обращается на взаимосвязь правового воспитания, правосознания и правовой культуры. Сформулированы определения правового воспитания и правосознания, определены основные проблемы правовоспитательного процесса, рассматриваются формы организации и эффективной практической реализации правового воспитания граждан.*

***Ключевые слова:** правовое воспитание; правосознание; правовая культура; правовой нигилизм; правовые идеалы; правовая идеология; ценностные ориентации.*

Современный кризис духовности сопровождается переоценкой ориентиров, идеалов и ценностей. В условиях современной глобализации государства практически теряют признаки собственной самобытности. В правовом сознании граждан наблюдается кризис: правовой нигилизм, вседозволенность, низкий уровень правовой культуры, к сожалению, сегодня стали массовым явлением. Национальное правосознание является залогом сохранения индивидуальности государств, поэтому одной из приоритетных задач современного общества является повышение правовой культуры и правосознания граждан, где основным инструментом в этом процессе выступает правовое воспитание. Процесс правового воспитания должен быть непрерывным, то есть он должен начинаться в школе и продолжаться всю жизнь. Особенно необходимо уделить внимание правовому воспитанию молодежи, ведь от того, насколько будет образован и воспитан молодой человек, зависит будущее государства. Как писал И. А. Ильин в своих трудах:

«Незнание положительного права ведет неизбежно к произволу сильного и запуганности слабого» [1, с. 161].

Проблематика исследования роли правового воспитания в формировании правового сознания стала предметом научного интереса ученых: И.А. Ильина, А. С. Хомякова, С. С. Алексеева, В. М. Горшнева, В.С. Нерсесянца, Д.А. Керимова, М.Н. Марченко, В.В. Лазарева, П.П. Баранова, В.И. Гоймана, Н. И. Матузова, В.и. Букреева, Б.А. Кистяковского, Н.М. Коркунова, И.Ф. Покровского, И.Ф. Рябко, А.П. Семитко.

Целью исследования является попытка проанализировать взаимосвязь правового воспитания, правосознания и правовой культуры, определить основные проблемы правовоспитательного процесса и предложить формы организации и эффективной практической реализации правового воспитания граждан.

Правосознание – это сложное правовое явление, которое выступает одновременно как одна из форм общественного сознания, благодаря которому человек воспринимает право и правовые явления в общественной жизни, а также как совокупность представлений, идей, эмоций, чувств, которыми человек выражает отношение к правовой действительности, выраженной в форме правовых норм, отношений, правопорядка, правосудия и т.д.

С.С. Алексеев считает, что правовое воспитание – это «целенаправленная деятельность по передаче правовой культуры, правового опыта, правовых идеалов и механизмов разрешения конфликтов в обществе от одного поколения к другому. Правовое воспитание имеет целью развитие правового сознания человека и правовой культуры общества в целом» [2, с. 278]. Ученый рассматривал понятие правового воспитания в узком и широком смысле. В первом случае речь идет о правовоспитательном воздействии на человека окружающей обстановки в целом: юридической практики, поведения людей и должностных лиц, когда нет прямой цели оказать на других правовоспитательное воздействие, однако такое воздействие на окружающих все-таки оказывается.

Правовое воспитание в узком смысле, в свою очередь, отличается направленностью на повышение правовой культуры человека, группы людей и общества в целом.

Н.И. Матузов полагает, что правовое воспитание – это «целенаправленная деятельность государства, общественных организаций, отдельных граждан по передаче юридического опыта; систематическое воздействие на сознание и поведение человека в целях формирования определенных позитивных представлений, взглядов, ценностных ориентации, установок, обеспечивающих соблюдение, исполнение и использование юридических норм» [3, с. 623].

Следовательно, правовое воспитание – это систематический, многоуровневый и целенаправленный процесс воздействия на сознание и поведение человека, путем передачи правового опыта, правовых идеалов и механизмов разрешения конфликтов в обществе от одного поколения к другому, который имеет цель в развитии правового сознания человека и правовой культуры общества в целом, то есть в накоплении и усвоении знаний принципов и норм права, а также в формировании соответствующего отношения к праву и практике его реализации, умении использовать свои права, соблюдать запреты и исполнять обязанности.

Таким образом, воспитание плавно перетекает в сознание и формирует общую правовую культуру человека.

Под правосознанием С.С. Алексеев понимает «совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей к праву и правовым явлениям в общественной жизни» [2, с. 267]. Он подчеркивает, что правосознание – это субъективная реакция людей на право, которое, в свою очередь, является объективной реальностью.

Н.Н. Вопленко считает, что правосознание – это «одна из форм общественного сознания, являющегося особым способом идеального отражения и духовного освоения правовой действительности. Оно является той идейно-психологической средой, из которой люди черпают свои

представления о праве, и, одновременно, тем инструментом, с помощью которого они определяют и оценивают свое отношение к правовой действительности, решают практические задачи поведения в сфере, подвластной праву» [4, с. 4].

Следовательно, если правосознание характеризует отношение к праву с внутренней стороны человеческой деятельности, то выразителем такого отношения вовне выступает правовая культура.

Под правовой культурой следует понимать «обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания и в целом в уровне правового развития субъекта, а также степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека» [2, с. 273]. Правовая культура личности зависит от правовой образованности и включает в себя правосознание (то насколько усвоены человеком такие правовые явления, как ценность права и свобода человека; ценность правовой процедуры при решении споров, поиска компромиссов и т.д.), умения подчинять свое поведение требованиям юридических норм.

Таким образом, можно увидеть связь вышеуказанных категорий (правовое воспитание, правосознание и правовая культура) между собой. Повышение правовой культуры населения, которая немыслима без входящего в ее состав обязательного компонента правосознания, осуществляется за счет процессов правового воспитания, путем воздействия на правовое сознание человека и, как следствие, формирование соответствующего отношения к праву и практике его реализации.

На сегодняшний день, наше общество не в состоянии дать молодому поколению должного правового воспитания, которое будет соответствовать происходящим в государстве социальным изменениям, из этого вытекает невозможность формирования высокого уровня правовой культуры в нашей стране. К отрицательным факторам, влияющим на проблему правового

воспитания в современном обществе, можно отнести кризис системы воспитания и образования, разрушение традиционных институтов социализации и механизмов социально-культурной преемственности. Произошло экономическое расслоение общества с образованием значительной части социально малообеспеченных жителей, склонных к асоциальному поведению и преступности. Негативные тенденции общественного развития, нестабильность ситуации в обществе вызывают значительный рост социальных девиаций, деформаций правосознания, особенно среди несовершеннолетних и молодежи [5, с. 25].

К сожалению, государственные органы, призванные решать эту проблему, действуют разобщенно. Правовоспитательные мероприятия проводятся, как правило, бессистемно, без учета состояния законности и правопорядка, а также потребности населения в тех или иных юридических знаниях. Средства массовой информации зачастую демонстрируют пренебрежительное отношение к праву, правовым принципам, законодательным нормам, во многих публикациях и выступлениях бросается в глаза низкий правовой уровень журналистов. Некоторые государственные и политические деятели нередко допускают в своих высказываниях примиренческое отношение к фактам нарушения законности, существования организованной преступности и коррупции [6, с. 138].

Обобщая все вышесказанное, приходим к выводу, что правовоспитательный процесс характеризуется следующими основными проблемами:

- 1) регресс организованных форм обучения, в рамках которых проводятся правовоспитательные мероприятия. На сегодняшний день участие юристов в правовом воспитании и разъяснении действующего законодательства, путем консультирования, чтения лекций, выступления в печати, по телевидению и радио практически не рассматриваются как их служебная обязанность, в отличие от советского времени;

2) кризис института семьи. Родители с низким уровнем правосознания и правовой культуры не могут воспитать своих детей в духе закона, в результате чего дети наблюдают неправомерную сторону отношений и становятся свидетелями разрешения вопросов с точки зрения силы. И. А. Ильин отмечал, что «семья имеет призвание дать ребенку самое главное и существенное в его жизни. Так, семья есть первая, естественная школа свободы: в ней ребенок должен в первый, но не в последний раз в жизни найти верный путь к внутренней свободе; принять из любви и уважения к родителям все их приказы и запреты во всей их кажущейся строгости, вменить себе в обязанность их соблюдение, добровольно подчиниться им и предоставить своим собственным воззрениям и убеждениям свободно и спокойно созреть в глубине души. Благодаря этому семья становится как бы начальной школой для воспитания свободного и здорового правосознания» [7, с. 140];

3) разрушение механизма социально-культурной преемственности. Переориентация духовных ценностей в нашем государстве привела к тому, что идет духовное и нравственное вырождение. Современный человек, одержимый такими понятиями, как успешность, предприимчивость и т.д., преследует результат и не важно, как и каким путем человек добился успеха, при этом забывая о таких важных понятиях, как справедливость, добросовестность, нравственность. Главными источниками такого разрушения являются пропаганда безнравственности и агрессии через СМИ и социальные сети, преклонение перед западными устоями и ценностями;

4) отсутствие у государства четкой правовой идеологии. Сознание не терпит пустоты и, если государство не будет формировать на основе своей идеологии правосознание граждан, то другая система взглядов его заполнит и перевоспитать, изменить сформировавшееся мировоззрение будет гораздо сложнее, что, с другой стороны, также приводит к снижению авторитета государства. Поэтому наличие четкой и осмысленной национальной идеологии, выработка правовых ценностей и создание общей национальной

идеи, которые должны стать объединяющими для всех граждан страны, является обязательным для государства;

5) пренебрежение к правовым требованиям со стороны различных информационных изданий и телевизионных каналов, которое выражается в игнорировании правовых требований и запретов, норм этики, навязывании своего субъективного толкования политической ситуации, а также манипулировании общественным мнением и, как следствие, сознанием;

б) пренебрежение к закону и правовым предписаниям. Большое воспитательное значение имеет повседневная практическая деятельность органов и их должностных лиц, которые нередко используют свои властные полномочия в целях личной выгоды, что противоречит законодательству и моральным установкам и ухудшает ситуацию вокруг правового воспитания, так как невозможно воспитать у человека уважение к ценностям, отсутствующим в сознании и деятельности людей публичных и властимущих. Кроме того, автоматически формируется негативная установка по отношению к действующему законодательству, что приводит к отсутствию осознания ценности права, которое состоит в том, что право содействует удовлетворению потребности одного субъекта права путем предоставления ему свободы, но не абсолютной, а такой, которая не противоречит свободе другого субъекта права, а также устанавливает определенный порядок и обеспечивает справедливость.

Можно утверждать, что современное общество нуждается в усиленной разработке конкретных способов, организации и эффективной практической реализации правового воспитания граждан.

Н.И. Матузов выделяет такие формы правовой работы с населением, как: правовое всеобщее обучение; пропаганда права средствами массовой коммуникации; правовоспитательная работа в связи с теми или иными конституционными мероприятиями (референдумы, выборы и т.д.). По мнению автора, система мероприятий правового всеобщего обучения предполагает собой «работу специальных правовых семинаров, школ, курсов, которые

организуются государственными и общественными органами как на коммерческой, так и на бюджетной основе» [3, с. 623].

К формам правовоспитательной работы через средства массовой информации Н.И. Матузов относит: телевизионные передачи, беседы, круглые столы, дискуссии на правовые темы и по актуальным вопросам политико-правовых отношений, газетные и журнальные статьи, кинофильмы, а также комментарии действующего законодательства специалистами в области права. Для автора очень важным способом правового воспитания является правовое просвещение – «процесс распространения правовых знаний, который служит росту общей юридической культуры и образованности населения...», поэтому не следует недооценивать таких организационных форм, как школьные правовые олимпиады, диспуты на темы права и морали, кружки [3, с. 623].

Повседневный опыт также может служить одной из форм правового воспитания. А.Б. Венгеров отмечает: «Идеал правового воспитания – юридическое всеобщее обучение. Иллюзией можно считать представление, что если всех обучить праву, то исчезнут правонарушения. И если этот опыт расходится с официальными и неофициальными просветительскими установками, приоритет будет за жизненным опытом» [8, с. 573].

Важное место занимает такая форма правового воспитания, как правовое самовоспитание, под которым понимается четко само организованный и целенаправленный процесс формирования и развития собственной правовой культуры субъектом права [9, с.12].

Кроме того некоторые авторы выделяют такую форму правового воспитания, как юридическая практика – это «деятельность субъектов права в процессе формирования и реализации его норм, заключающаяся в издании нормативных актов и совершении различных индивидуальных правовых актов» и что «не может быть признана юридической практикой деятельность людей, сознательно нарушающих правовые нормы», ибо «цель юридической практики должна быть законной...» и «она достигается дозволенными правовыми средствами» [10, с. 86-87].

В процессе происходящей глобальной трансформации современного социума, сопровождающейся внедрением интернет-коммуникаций во все сферы жизни общества и формированием нового вида коммуникативных структур, происходит укрепление социальной роли интернета, что обуславливает проявление дисфункций в процессе социализации молодого поколения, поскольку молодежь, являясь активным пользователем, может получать неконтролируемый доступ к информации асоциального содержания. Таким образом, происходит деструкция традиционных механизмов передачи основ правовой культуры, опыта старшего поколения молодым гражданам. Поэтому немаловажное значение имеет разработка новой методологии в системе правового воспитания, направленной на формирование у молодого поколения навыков использования интернет-информации, способствующей усвоению правовых ценностей и ориентаций [11, с. 58-60].

Некоторые исследования указывают на то, что кинематография, как социокультурный институт, способна через удовлетворение потребностей общества воздействовать на него, на его правовое сознание. Путем отражения в сюжете социально-значимых установок, мы можем добиться изменения представления людей о праве и, как неизбежное, повышения правовой культуры [12, с. 146].

Приведенный выше анализ позволяет сделать следующий вывод, что для создания эффективной системы правового воспитания, которая будет способствовать повышению уровня правового сознания и правовой культуры граждан, требуется, помимо информирования, вести планомерное и целенаправленное воздействие на сознание человека, с целью введения его в правовую культуру и формирования определенных правовых установок, понятий, принципов, ценностных ориентаций, а также:

- разработать и принять государственную программу, которая будет направлена на постепенное, многоуровневое и систематическое развитие правовой культуры;

– создать территориальные (предусматривающие меры по развитию просвещения на определенной территории) методические центры, деятельность которых будет состоять в изучении уровня правовой просвещенности населения, разработке методических рекомендаций по распространению юридических знаний, информировании граждан всех слоев населения об их правах, обязанностях и реальных возможностях проявить себя в обществе, государстве, уважая себя и других членов общества, формируя при этом необходимые социальные ценности, и все это с использованием СМИ, с участием представителей образовательных учреждений, учреждений культуры, органов государственной власти и общественных объединений;

– обеспечить внедрение во всех типах учебных заведений учебных программ, которые будут включать в себя сочетание творческих разработок с повседневной практикой правового воспитания, а также проведение правовых олимпиад, кружков, круглых столов на тему права и значимых для общества ценностей;

– обеспечить проведение мероприятий по пропаганде законодательства гражданам по месту жительства, учащимся, работающим по месту работы, пенсионерам, путем проведения консультаций с активным участием судей, сотрудников прокуратуры, внутренних дел и т. д.;

– государство должно направить усилия на изложение благоприятствующих обществу ценностей через аудиовизуальное искусство. Поэтому, имеет место киноискусство, как один из важных инструментов правового воспитания, благодаря возможности наглядного демонстрирования, ненавязчивой форме и массовому эффекту. В. И. Ленин говорил, что нужно твердо помнить о том, что из всех искусств для нас важнейшим является кино [13, с. 19];

– социальные сети призваны помочь в получении и освоении правовой информации. Сетевое общество обладает потенциальной возможностью формировать уважение к праву, закону, развивать

правосознание, правовую культуру и способствовать активному правомерному поведению граждан. Использование неофициальных каналов коммуникации создает повышенную вероятность столкнуться с неполными, противоречивыми, а иногда недостоверными сведениями, в связи с этим требуется адекватное правовое регулирование и управление сети Интернет. Государству необходимо обратить внимание на развитие доступных, качественных контентов правовой информации, формирование в сетевом обществе правовой среды, включающей правовые ценности, установки, цели.

Следует сказать, что в формировании и воспитании личности в правовом, социальном, гражданском аспекте участвует, прежде всего, семья. В литературе многократно указывалось, что именно в семье происходит базисный по своей воспитательной значимости процесс социализации. Первостепенными факторами в формировании личности выступают: морально-нравственная атмосфера внутри семьи, социальные установки, система ценностей семьи, нравственные идеалы, культура семейных традиций. Несомненно, они влияют и на юридически значимое поведение [14, с. 38]. Следовательно, именно в семье закладывается нравственный фундамент, на котором формируются элементы правового сознания и правовой культуры человека. И. А. Ильин утверждает, что «семья призвана воспринимать, поддерживать и передавать из поколения в поколение некую духовно-религиозную, национальную и отечественную традицию... Это семья создала и выносила культуру национального чувства и патриотической верности. И сама идея – родины – лоно моего рождения, и – отечества, земного гнезда моих отцов и предков – возникла из недр семьи как телесного и духовного единства. Семья есть для ребенка первое родное место на земле; сначала – место-жилище, источник тепла и питания, потом – место осознанной любви и духовного понимания. Семья есть для ребенка первое “мы”, возникшее из любви и добровольного служения, где один стоит за всех и все за одного. Она есть для него лоно естественной солидарности, где взаимная любовь превращает долг в радость и держит всегда открытыми священные врата

совести. Она есть для него школа взаимного доверия и совместного, организованного действия ...» [1, с. 94].

В заключение следует отметить, что только создание слаженной и эффективной системы правового воспитания будет способствовать повышению уровня правового сознания и правовой культуры граждан. Процесс правового воспитания должен формироваться, основываясь на морально-нравственной атмосфере внутри семьи, системе ценностей семьи, нравственных идеалах, культуре семейных традиций, активной жизненной позиции, патриотизме, общей национальной идее, осмысленной национальной идеологии и правовых ценностях.

Список источников:

1. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – Москва: Русская книга, 1994. – 624 с.
2. Теория государства и права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / С.С. Алексеев, С.И. Архипов, В.М. Корельский [и др.]. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: НОРМА, 2005. – 458 с.
3. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: курс лекций / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрист, 2000. – 761 с.
4. Вопленко Н. Н. Правосознание и правовая культура: учеб. пособие / Н.Н. Вопленко. – Волгоград: ВолГУ, 2000. – 52 с.
5. Коптяев А. Проблемы правосознания молодежи в современной России // Социально-экономическое состояние России: пути выхода из кризиса. – СПб.: Институт бизнеса и права. – 2009. – С. 25-28.
6. Живцов В.Ю. Студенчество как субъект правовой культуры // Сборник научных трудов психологического факультета Самарского государственного университета. – 2008. – № 6. – С. 138-141.
7. Ильин И.А. Путь духовного обновления / И.А. Ильин. – Москва : Институт русской цивилизации, 2011. – 1216 с.
8. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник / А.Б. Венгеров. – Москва: Дашков и К, 2013. – 607 с.
9. Бондарев А.С. Правовое самовоспитание как самостоятельный вид субъектно-субъектной правовой социализации // Вестник Пермского университета. – 2013. – № 2 (20). – С. 7-16.
10. Реутов В.П. О понятии юридической практики // Государство, право, законность. – 1974. – №5. – С. 79-93.
11. Фатьянов В.М. Роль сетевых коммуникаций в процессе формирования правовой культуры современной российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – №1. – С. 58-60.
12. Панадин И.Е. Правовое регулирование кинематографии в контексте повышения правовой культуры российского общества // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2016. – №10. – С. 145-150.
13. Болтянский Г.М. Ленин и кино / Г.М. Болтянский. – Москва: Гос. изд-во Ленинград, 1925. – 88 с.

14. Вологина Т.В. Правовое воспитание и роль семьи в процессе социализации и формирования норм поведения // Общество и право. – 2014. – №4 (50). – С. 38-40.

УДК 341

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОКОЛЕНИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Гулина Светлана Николаевна
старший преподаватель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Гокунь Юлия Сергеевна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

E-mail: yulya.gokun@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена изучению поколений прав человека. Установлено, что в настоящий момент существует шесть поколений прав. В процессе написания научной работы автором сделан вывод о том, что список прав человека не остается неизменным.*

***Ключевые слова:** поколения прав человека, модернизация, шесть поколений прав.*

Процесс формирования представлений о правах человека имеет многовековую историю. Человечество на каждом этапе своего развития рассматривало права человека учитывая уже приобретенный опыт и конкретные исторические условия. Данный длительный и сложный процесс вполне обоснованно следует считать борьбой человека и всего общества за право признания естественных прав и обретение новых.

В ноябре 1977 года Карел Васак, юрисконсульт ЮНЕСКО и известный ученый-правозащитник, написал статью для журнала «Курьер ЮНЕСКО», в которой изложил идею трёх поколений прав человека [1, с.29]. Теория приобрела популярность среди исследователей и практиков и стала частью стандартного словаря, описывающего историю и содержание системы прав человека. Однако происходящие по всему миру изменения, коснувшиеся всех сфер общества, существенно повлияли и на теорию трёх поколений прав человека, вызвав необходимость не просто в её совершенствовании и

модернизации, а в полной реформации понятия личности и имеющихся у неё прав.

Концепцию поколений прав человека исследовали многие отечественные и зарубежные учёные, среди которых: Решетникова С.Б., Малинова О.Ю., Лукашева Е.А., Варламова Н.В., Киричек Е.В., Олейник Н.Н., Олейник А.Н., Новгородцев П.И., Талапина Э.В., Рудинский Ф.М., Головистикова А.Н., Триш Д.М., Гараева Г.Ф., Васак К., Хёрст Х, Алстон П., Блант Г., Фишер Д., Харди И., Фонтанелли Ф., Маклем П., Шапиро А., Джонсон Д. Однако, несмотря на масштабную проработанность темы, концепция поколений прав человека непрерывно изменяется и совершенствуется, а значит появляются новые аспекты в исследуемой теме, что вызывает необходимость в её дальнейшем изучении.

Цель исследования заключается в изучении исторического развития поколений прав человека.

Отражение трёх поколений прав человека можно увидеть в девизе Французской революции: *liberte, egalite, fraternite* (свобода, равенство, братство). Теория прав человека трёх поколений разделяет все права на три отдельные поколения. К первому поколению принято относить личные и политические права, второе поколение включает в себя экономические, социальные и культурные, третье поколение – коллективные права.

Личные (гражданские) и политические права начали зарождаться в XVII-XVIII веках и основывались в основном на политических соображениях. Двумя центральными идеями были идеи личной свободы и защита личности от нарушений со стороны государства. Права человека, относящиеся к первому поколению, изначально были сформулированы в Декларации прав человека и гражданина [2] и Билле о правах [3]. Сегодня гражданские и политические права подробно изложены в Международном пакте о гражданских и политических правах [4] и в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [5]. В Европе, на региональном уровне, на основе Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и

дополнительных протоколов к ней были созданы правовые механизмы защиты прав человека первого поколения, а именно системы Совета Европы и Европейского суда по правам человека.

Права первого поколения традиционно рассматривались как наиболее важные права человека. К личным и политическим правам принято относить: право на жизнь; право на личную неприкосновенность человека; право на свободу мысли и слова; право на свободу вероисповедания; право на свободу от рабства или подневольного состояния; право на свободу от пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего его достоинство обращения и наказания; право на свободу от произвольного ареста, задержания или изгнания; право на справедливое и публичное судебное разбирательство; право на свободу передвижения и выбора местожительства; право на владение имуществом; свобода мирных собраний и ассоциаций.

Социальные, экономические и культурные права принято рассматривать как необходимые для жизни в обществе. Они основаны на идеях равенства и гарантированного доступа к основным социальным и экономическим благам, товарам, услугам и возможностям. Своё международное признание они получили в результате индустриализации и подъёма рабочего класса в XIX-XX веках. Во второе поколение прав человека включены такие права как: право на социальное обеспечение; право на социальное обеспечение; право на труд, на справедливые и благоприятные условия труда и защиту от безработицы; право на отдых и досуг; право на образование; право на творчество; право на охрану здоровья; право свободно участвовать в культурной жизни общества.

В основе третьего поколения прав лежит идея солидарности. Крайне сложное экономическое положение, войны, экологические и стихийные бедствия стали причинами, побудившими к принятию решения о необходимости признания новой категории прав человека, которые смогли бы обеспечить в стремительно развивающемся мире соответствующие условия для общества. Данная категория прав признана способствовать обеспечению и

реализации прав первого и второго поколения. Третье поколение прав человека формируют следующие права: право на политическое, экономическое, социальное и культурное самоопределение; право на экономическое и социальное развитие; право на мир; право на гуманитарную помощь; право на участие в пользовании «общим наследием человечества»; право на чистую и здоровую окружающую среду.

Помимо трёх рассмотренных поколений прав в юридической науке существует мнение, в соответствии с которым существует четвёртое, пятое и шестое поколения прав. Отметим, что отнесение какого-либо из прав к последним трём категориям остаётся дискуссионным, т.к. различные учёные и практикующие юристы не пришли к согласию в вопросе определения содержания той либо иной категории. Так, одни исследователи, к примеру, Триш Д.М. и Гараева Г.Ф. полагают, что возникновение четвёртого поколения прав человека обусловлено развитием медицины, генетики, реаниматологии и фармакологии [6].

По мнению Варламовой Н.В., цифровизация, затрагивающая практически все сферы жизни современных людей, заставила переосмыслить многие правовые понятия. Результатом такого переосмысления стало появление новых взглядов на поколения прав человека, имеющих принципиально иную юридическую природу по сравнению с правами трёх предыдущих поколений [7, с.9-46]. Данные взгляды позволили сформировать четвёртое поколение прав человека, центральное место в котором занимает право на доступ к Интернету и право на защиту персональных данных.

Ряд учёных и практикующих юристов к четвёртому поколению прав относят права всего человечества [8, с.584], опираясь на Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела [9] и Конвенцию о ядерной безопасности [10].

Из вышеперечисленного следует, что в настоящий момент в юридической литературе выделяют три варианта интерпретации взглядов на

четвёртое поколение прав человека [11, с.7-20]. Первый из них, биотехнологический, делает главной целью защиту прав человека в сфере биотехнологий и сводится к праву самостоятельно распоряжаться собственным телом. При этом, необходимо обратить внимание на то, что данное право является комплексным и включает в себя ряд прав и свобод, связанных с медицинским вмешательством различных видов, начиная от донорства крови, органов и тканей, протезирования и заканчивая клонированием, а также применением вспомогательных репродуктивных технологий. Данную совокупность прав следует рассматривать как соматические права человека, от греческого soma, т.е. тело.

Второй подход к пониманию четвёртого поколения прав человека получил название информационно-технологического. Вполне очевидно, что он основывается на праве на информацию и информационные технологии.

Последний, третий, подход к детерминированию четвёртого поколения прав человека рассматривается как общечеловеческий, т.к. входящие в него права названы правами всего человечества. К ним относятся информационные права, право на ядерную безопасность, космос и др.

Отметим, что некоторые исследователи связывают четвёртое поколение прав человека с правом на духовное образование и воспитание, правом на духовное и нравственное совершенствование и др., а пятое – с Божественными правами и свободами, основу которых составляют любовь, Божественная информация и энергия [12, с.123-135], а именно право на любовь, веру и любовь к Творцу, единство с ним и обращение к нему, право на рождение в любви [13].

Полагаем, что стремительное развитие информационных технологий поставило перед человечеством новые вызовы, связанные с обеспечением прав человека и их охраной в информационном пространстве, в частности, в сети Интернет. Это повлияло на возникновение идеи об отнесении к четвёртому поколению прав, предоставляющих лицу возможность иметь доступ к

информационным технологиям, пользоваться ими и чувствовать себя в безопасности во Всемирной сети.

Невероятно важные научные открытия в области генетики, микробиологии, медицины стали некой основой для зарождения концепции пятого поколения прав. Относящиеся к нему биологические права, ставшие результатом вмешательства в психофизиологическую сферу жизни человека, позволили осуществлять эвтаназию, благополучно осуществлять операции по трансплантации органов и тканей, воспользоваться услугами суррогатной матери, прибегнуть к использованию экстракорпорального оплодотворения и интрацитоплазматической инъекции.

Шестое поколение прав следует признать наиболее неопределённым и малоизученным. На наш взгляд, оно состоит из прав лица на самоопределение и самовыражение, предоставляющих человеку возможность носить определённую одежду, придерживаться тех либо иных взглядов, выбирать модель поведения, идентифицировать себя как личность, а в некоторых случаях и изменить пол. Как правило, пол человека определяется при его рождении. Однако известны случаи, когда у лиц возникали проблемы в связи с принадлежностью к тому полу, который был зарегистрирован у них при рождении [14, с.3]. В одних случаях это бывает у интерсексуальных людей, тела которых включают одновременно аспекты мужского и женского организма и отражается на строении их половых органов, что приносит определённые неудобства как с медицинской точки зрения, так и с позиции жизни в обществе. У других людей возникают трудности, обусловленные тем, что их самовосприятие не соответствует тому полу, с которым они родились. В каждом из описанных случаев у лица могут появиться новые и развиваться уже имеющиеся комплексы, что негативно отразится на его психологическом здоровье и, возможно, даже приведёт к совершению самоубийства. Поэтому наличие у интерсексуалов и трансгендеров права сменить пол либо же провести операцию по коррекции пола следует расценивать как одно из жизненно важных прав.

Из всего вышеизложенного следует, что список прав человека не остается неизменным. Несмотря на то, что ни одно из прав, перечисленных во Всеобщей декларации прав человека, не подвергалось изменениям за более чем 60 лет её существования, новые международные договоры и документы, а также национальное законодательство развили некоторые из основных концепций, изложенных в этом документе, тем самым, повлияв на формирование новых поколений прав человека. Этому поспособствовало и непрерывное развитие общественных отношений, складывающихся в социальной, экономической, политической и идеологической сферах общества.

Список источников:

1. Vasak K. A 30-year Struggle: The Sustained Effort to Give Force of Law to the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier. – 1977. – №11. – p. 29.
2. Декларация прав человека и гражданина. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. (дата обращения: 30.04.2021).
3. Международный пакт о гражданских и политических правах Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 30.04.2021).
4. The Bill of Rights. Passed by Congress on September 25, 1789. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/bill-of-rights> (дата обращения: 30.04.2021).
5. Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, г. Рим, 4.XI.1950 г. Измененная и дополненная Протоколами № 11 и № 14, вступившими в силу 1 июня 2010 г. URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols>. (дата обращения: 30.04.2021).
6. Триш Д.М., Гараева Г.Ф. Четыре поколения прав и свобод человека и гражданина: история становления и современное состояние // Центральный научный вестник. URL: <http://cscb.su/n/020601/020601012.htm> (дата обращения: 10.05.2021).
7. Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Т. 14. – № 4. – С. 9–46.
8. Венгеров А.Б. Теория государства и права : учебник / А.Б. Венгеров. – М. : Омега-Л, 2005. – 608 с.
9. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела Принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1966 года URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml. (дата обращения: 12.05.2021).
10. Конвенция о ядерной безопасности / Бюллетень международных договоров. – 2007. – № 9, сентябрь. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/docslist.php?md=0&nb=102&year=&issid=1022007009000>. (дата обращения: 12.05.2021).

11. Долин В.А. Концепт «Четвертое поколение прав человека»: опыт философско-антропологического обоснования // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд. ния Рос. акад. наук. – 2018. – Т. 18. – вып. 4. – с. 7–20.
12. Ивентьев С.И. Божественные и духовно-нравственные права и свободы человека: монография / С.И. Ивентьев. – Новосибирск: ООО «Агентство «СИБПРИНТ», 2012. – 357 с.
13. Ивентьев С. И. Четвёртое и пятое поколения прав человека как основа духовного и нравственного возрождения человечества // Научный электронный архив. – URL: <http://www.econf.rae.ru/article/8016>. (дата обращения: 15.05.2021).
14. Права человека и гендерная идентичность : тематический доклад Комиссара по правам человека. (Страсбург, 29 июля 2009.). – URL: https://www.ilga-europe.org/sites/default/files/commdh_issuepaper20092_ru.pdf. (дата обращения: 15.05.2021).

УДК 347.12:330.341.1:001.5

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ИННОВАЦИЯ» И «ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И НАУЧНОЙ ДОКТРИНЕ

Малыхина Василина Владимировна

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

г. Санкт-Петербург

E-mail: malykhina.vasilina@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются подходы к определению «инновационной деятельности», а также производного понятия «инновации» как наиболее приоритетных категорий в развитии государственного сектора страны в современных условиях.*

***Ключевые слова:** инновация, инновационная деятельность, научно-технический процесс, социально-экономическое развитие, правовое регулирование инновационной деятельности.*

В современных условиях социально-экономическое развитие любого государства должно соответствовать уровню развития общественных отношений, сложившихся в результате постиндустриальной революции.

Научно-технический прогресс (далее – НТП) является ключевым звеном в механизме экономического развития любого государства. Формирование содержания и формы главных экономических отношений в обществе во многом зависят от определенных факторов, среди которых ключевыми выступают новые знания и инновации.

Уровень глобальной экономической конкуренции прямо пропорционален уровню обеспечения достойных условий для занятия инновационной деятельностью. Одним из условий стимулирования занятия инновационной деятельностью является создание правовой базы для поддержки конкурентной среды в экономике [1].

По справедливому утверждению М.А. Волынкиной, сегодня многие политики, экономисты, ученые связывают перспективы экономического развития России с технологической революцией, материальной основой которой являются инновации в сфере экономических отношений [2]. Стоит учесть, что для реализации тех или иных идей необходимо чёткое терминологическое и сущностное понимание явлений, которые составляют основу любой концепции модернизации традиционных процессов.

Так, правовая категория «инновация» с момента её зарождения и до настоящего времени претерпевала изменения в своей интерпретационной основе. Плюрализм точек зрения различных авторов относительно понимания такого явления как «инновации» даёт основания полагать, что по своей правовой природе «инновации» весьма многогранны, в связи с чем и возникают проблемы его однозначной трактовки.

Поэтому, целесообразным представляется всестороннее исследование содержания понятий «инновация» и «инновационная деятельность», исходя из терминов, закрепленных в различных нормативных правовых актах, а также исходя из существующих трактовок, выработанных в научной доктрине.

Исследованию актуальных вопросов правового регулирования, в том числе вопросов научного и законодательного толкования явлений и основных концепций в области регулирования инновационной деятельности посвящены работы таких авторов, как В.С. Анохин, А.Н. Асаула, Н.В. Афанасьевой, В.В. Бушнев, Ю.М. Воронин, И.П. Данилов, И.В. Дойников, Л.А. Евсеева, В.И. Еременко, И.В. Ершова, Н.И. Золотых, Н.М. Коршунов, А.А. Румянцева, О.А. Страховой, Л.К. Шаминой, Р.О. Халфина, С.А. Цыганов, Л. И. Шевченко, В. Ф. Яковлев и др.

Целью данной работы является комплексное, всестороннее изучение особенностей инновационной деятельности исходя из её терминологических особенностей в действующей правовой и научной доктрине.

Исследуя содержание инновационной деятельности, необходимо разобраться с семантическим статусом понятия «инновации», как его составной части. Термин «инновация» происходит от латинского «*innovato*», что в переводе означает «обновление» или «улучшение». Отсюда инновацию отождествляют с понятием «новшество» или «нововведение». Исходя из анализа научной литературы, существует огромное количество подходов к трактовке данного понятия, сущностная характеристика которых хоть и схожа между собой, однако каждый автор определяет своё уникальное видение данного явления. Так, к примеру, Йозеф Алоиз Шумпетер, которого можно назвать родоначальником понятия «инновация», в своей работе «Теория экономического развития» под инновациями понимает изменения с целью внедрения и использования новых видов производственных товаров, новых производственных и транспортных средств, рынков и форм организации в промышленности, акцентируя внимание на экономическом воздействии этих изменений [3]. Такой автор, как Яндиева М.И. указывает на то, что понятие инновация отражает конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке; нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности либо в новом подходе к социальным услугам [4]. В свою очередь, Н.Э. Килин рассматривает понятие «инновация» как «объект интеллектуальной собственности, использующийся в сфере создания и введения на рынок высокотехнологичных товаров (работ, услуг) с новыми потребительскими свойствами» [5, с. 116].

Часть авторов акцентирует своё внимание на параметрах коммерциализации нового продукта и в качестве инновации указывают на определенные вложения средств в разработку техники, технологии, научные исследования [6].

По справедливому высказыванию Пашковой Д.А., несмотря на многообразие мнений, в науке можно выделить два главных направления в определении понятия «инновация», в соответствии с которыми в одном случае ключевой характеристикой инновации будет выступать – «результат», а в другом – сам «процесс» [7, с. 8].

Таким образом, можно сделать вывод, что отсутствие единообразия в подходах к определению содержания понятия «инновация» говорит об уникальности и многогранности данного явления и его неоднозначном характере, проявляющегося на разных исторических промежутках времени. Нельзя не согласиться с мнением О.В. Василенко, которая, обосновывая проблему существующего плюрализма мнений по данному вопросу, отмечает, что: «Значительное количество научных работ, посвящённых изучению инноваций, инновационной деятельности, правовому регулированию инновационной деятельности подтверждают продолжающийся поиск возможных оптимальных правовых конструкций» [8, с. 27].

Анализируя определение «инновация», закреплённое на законодательном уровне, стоит отметить, что попытки официального толкования были предприняты еще в 90-х годах в Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998-2000 годы, одобренной постановлением Правительства Российской Федерации от 24 июля 1998 г. № 832 [9]. Так, в данной Концепции представлен систематизированный обзор понятийного аппарата, используемого в данном документе, исходя из которого «инновация (нововведение)» определяется, как конечный результат инновационной деятельности, получивший реализацию в виде нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности. Наряду с этим понятием также даётся разъяснение, что следует понимать под инновационной деятельностью. Так, инновационная деятельность – процесс, направленный на реализацию результатов законченных научных исследований и разработок либо иных

научно-технических достижений в новый или усовершенствованный продукт, реализуемый на рынке, в новый или усовершенствованный технологический процесс, используемый в практической деятельности, а также связанные с этим дополнительные научные исследования и разработки. Из анализа данного нормативного документа можно сделать вывод, что законодатель того времени, как и часть исследователей в области инновационной деятельности, придерживался подхода, согласно которому инновация выступает как готовый результат деятельности в той или иной области.

В настоящее время существует ряд законодательных актов и подзаконных нормативно-правовых актов, регулирующих реализацию мер государственной поддержки инновационной деятельности. Примечательно, что данный термин, несмотря на частое использование в сфере интеллектуальной собственности до сих пор не нашёл своего законодательного закрепления в четвёртой главе Гражданского кодекса Российской Федерации, которая регулирует данный вид правоотношений [10].

Настоящим прорывом в области законодательного закрепления понятий «инновация» и «инновационная деятельность» стал закон «О науке и государственной научно-технической политике» [11]. Так, он четко очертил круг общественных отношений между субъектами научно и (или) научно-технической деятельности, органами государственной власти и потребителями научной или научно-технической продукции [12, с. 178-179]. В соответствии с этим документом, инновация трактуется, как введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях. В свою очередь под инновационной деятельностью следует понимать деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленную на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности.

В июле 2021 года вышла Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [13]. Как справедливо подчёркивает Белозёров В.К., документ имеет существенные отличия от предыдущих и фактически знаменует переход России к разработке и реализации ценностно-ориентированной государственной стратегии [14]. Стоит отметить, что инновационная сфера в данном документе, наряду с промышленностью, системой образования, здравоохранения и культуры обозначена в качестве ключевого индикатора конкурентоспособности России. Ещё одним документом, который должен представлять для нас интерес, является Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [15]. Прогноз предполагает три основных сценария развития: консервативный, инновационный и целевой (форсированный). Инновационный сценарий характеризуется усилением инвестиционной направленности экономического роста и укреплением позиций России в мировой экономике. Он опирается на создание современной транспортной инфраструктуры и конкурентоспособного сектора высокотехнологичных производств и экономики знаний наряду с модернизацией топливно-энергетического комплекса [16].

Таким образом, исходя из приведённого анализа мы видим, что понятия «инновация», «инновационная деятельность» и иные связанные с данным явлением определения являются часто употребляемыми на уровне государственного управления. Однако до сих пор прослеживается неразвитость и непоследовательность нормативного опосредования инновационных отношений, что проявляется в двух аспектах:

- 1) разработке и принятии многочисленных региональных актов об инновационной деятельности в отсутствие единого федерального закона;
- 2) инкорпорировании в ряд нормативно-правовых актов инновационной терминологии в отсутствие четкого представления о ее содержании [17, с. 169].

Подводя итог, следует сказать, что инновации в качестве объекта правоотношений являются новой областью освоения для юридической науки, поэтому нуждаются в особом мониторинге и контроле со стороны государства, который должен проявляться в концептуальном подходе к упорядочиванию данного вида правоотношений. Вполне обоснована точка зрения научных деятелей о том, что, что российская инновационная деятельность находится в процессе становления, о чем свидетельствует несовершенство действующих механизмов производства и оборота инновационной продукции и технологий [18, с. 24].

Термин «инновация» является родовым понятием инновационной деятельности и до своего официального законодательного закрепления указанные дефиниции правоприменитель долгое время был вынужден самостоятельно интерпретировать инновационные термины, что в свою очередь порождало ряд проблем в правоприменительной практике. Из анализа организационных мер государства, можно сказать, что инновационная политика проникает фактически во все сферы общественного производства и становится приоритетным направлением в развитии страны на долгосрочную перспективу. В связи с этим, государству следует приложить особые усилия по созданию институциональных правовых условий для формирования конкурентноспособной национальной инновационной системы и разработке правовых актов, нацеленных на устранение неоднозначной трактовки терминов и расширительного толкования процессов и явлений в указанной сфере.

Список источников

1. Кашицына, Т.Н. Нормативно-правовое сопровождение развития региональной инновационной инфраструктуры [Электронный ресурс] // Региональная экономика: теория и практика. – 2011. – №31. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovoe-soprovozhdenie-razvitiya-regionalnoy-innovatsionnoy-infrastruktury>. (дата обращения: 09.12.2022).
2. Волынкина, М. В. Правовая сущность термина «Инновация» [Электронный ресурс] // Инновации. – 2006. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-suschnost-termina-innovatsiya>. (дата обращения: 09.12.2022).

3. Шумпетер, Й. Теория экономического развития: Исследования предпринимательской прибыли, капитала, кредита и цикла конъюнктуры. – М.: Прогресс, 1982. – 400 с.
4. Чайковская Н. В., Панягина А. Е. Сущность инноваций: основные теоретические подходы [Электронный ресурс] // СЭПТП. – 2011. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-innovatsiy-osnovnyye-teoreticheskie-podhody>. (дата обращения: 10.12.2022).
5. Килин, Н.Э. Правовое регулирование инновационной деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. – 241 с.
6. Соснина, Т. Н. Семантический статус понятий «Инновация», «Инновационный процесс», «Инновационный продукт» (методологический аспект) [Электронный ресурс] // Вестник СГАУ. – 2014. – №3 (45) – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskij-status-ponyatij-innovatsiya-innovatsionnyy-protsess-innovatsionnyy-produkt-metodologicheskij-aspekt>. (дата обращения: 09.12.2022).
7. Пашкова, Д. А. К вопросу о понятии «инновация» в российском праве / Д.А. Пашкова // Вопросы экономики и права. – 2017. – № 108. – С. 7-11.
8. Василенко, О. В. Проблемы правового определения понятий «инновация» и «инновационная деятельность» / О. В. Василенко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2015. – № 1. – С. 22-30.
9. О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998 – 2000 годы : постановление Правительства РФ от 24 июля 1998 г. № 832 [Электронный ресурс] // СПС «ГАРАНТ». – URL: <https://base.garant.ru/179112/>. (дата обращения: 10.12.2022).
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2020) (с изм. и доп. от 06.08.2021) // СПС «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/10164072/>. (дата обращения: 09.12.2022).
11. О науке и государственной научно-технической политике: федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // СЗ РФ. – 1996. – № 35. – Ст. 4137.
12. Инновационное право: учебник / А.И. Маркеев, В.А. Свиридов, Н.М. Тюкавкин, Р.З. Юсупов / Ответственный редактор доктор юридических наук, профессор А.В. Юдин. – Самара: Издательство Самарского университета, 2020. – 308 с.
13. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс] / СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/. (дата обращения: 09.12.2022).
14. Белозёров, В. К. Новая стратегия национальной безопасности Российской Федерации: от обретения смыслов к реализации [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. №2 (843) / Киберленинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoj-federatsii-ot-obreteniya-smyslov-k-realizatsii>. (дата обращения: 10.12.2022). – Загл. с экрана.
15. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России) [Электронный ресурс] / СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/. (дата обращения: 09.12.2022).
16. Хорев, В. П. Прогноз инновационного развития социально-экономического потенциала российской Федерации до 2030 года [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2012. №1 (1). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prognoz-innovatsionnogo-razvitiya-sotsialno-ekonomicheskogo-potentsiala-rossiyskoj-federatsii-do-2030-goda>. (дата обращения: 10.12.2022).
17. Ворожевич, А. С. Инновация: проблемы доктринального и нормативного определения / А.С. Ворожевич // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 9. – С. 169-176.

18. Перькова, В. А. Гражданско-правовые договоры как средство обеспечения инновационной деятельности в Российской Федерации: диссертация ... кандидата Юридических наук: 12.00.03 / Перькова Вероника Александровна; [Место защиты: ФГНИУ Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации], 2017. – 237 с.

УДК 347.158

ВОПРОС О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ЭМБРИОНА IN VITRO

Матвиенко Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

E-mail: k.matvienko@donnu.ru

Малышко Наталья Александровна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

E-mail: natahamal2003@gmail.com

***Аннотация.** В статье рассматриваются три точки зрения на правовую природу эмбриона *in vitro* с учетом судебной практики и научных работ. Автор делает вывод, что эмбрион *in vitro* необходимо признать в качестве особого правового явления и законодательно предусмотреть его особый правовой режим.*

***Ключевые слова:** эмбрион *in vitro*, вспомогательные репродуктивные технологии, экстракорпоральное оплодотворение, субъект права, объект права, *sui generis*.*

Многие семейные пары, которые не могут зачать ребёнка естественным путем вследствие бесплодия или возможности передать своему будущему ребёнку какие-либо тяжелые заболевания, прибегают к процедуре экстракорпорального оплодотворения. Экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) представляет собой один из методов преодоления бесплодия, позволяющий осуществить оплодотворение яйцеклетки вне организма женщины, то есть в искусственных условиях. В процессе оказания медицинской услуги по экстракорпоральному оплодотворению создаются эмбрионы, которые в дальнейшем будут подсажены женщине. Одной из проблем правового регулирования ЭКО является именно отсутствие

законодательного закрепления правовой природы и правового статуса эмбриона.

Изучению правовых проблем, связанных с процедурой ЭКО, определением правовой природы и правового статуса эмбриона *in vitro*, установлением определённых мер и уровня защиты эмбриона *in vitro* посвящено большое количество работ отечественных и зарубежных авторов. Однако несмотря на многочисленные публикации (в том числе диссертационного и монографического характера), эти вопросы остаются дискуссионными. Причинами этого является, во-первых, то, что большинством авторов независимо от их специальности привносится элемент эмоционального субъективизма, во-вторых, изучение данных вопросов находится на стыке различных отраслей познания – юриспруденции, медицины, этики и т.п.

Оказание медицинской услуги по экстракорпоральному оплодотворению поднимает сложные нравственные и этические проблемы, поэтому вопрос о правовой природе и статусе эмбриона человека играет значительную роль для решения всех этических споров и разногласий по поводу его законодательной защиты.

Целью исследования является анализ основных точек зрения на правовую природу эмбриона *in vitro* с учетом положений законодательства, судебной практики и научных работ.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О временном запрете на клонирование человека» от 20.05.2002 № 54-ФЗ эмбрион является зародышем человека на стадии развития до восьми недель [1]. Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22.12.1992 № 4180-1 указывает на особый статус эмбриона, выделяя его из общего списка органов человека, поскольку в ст. 2 данного закона определено, что его действие не распространяется на органы, их части и ткани, имеющие отношение к процессу воспроизводства человека, включающие в себя репродуктивные ткани (яйцеклетку, сперму, яичники, яички или эмбрионы) [2].

Необходимо отметить, что существуют понятия эмбриона *in vitro* и эмбриона *in vivo*, которые следует отличать друг от друга. Эмбрионы *in vivo* проходят все этапы своего зачатия и развития внутри организма матери. Эмбрионы *in vitro* возникают в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), когда яйцеклетку извлекают из организма женщины и искусственно оплодотворяют «в пробирке» (*in vitro*). Следовательно, эмбрионы *in vitro* являются зародышами человека, зачатыми и развивающимися вне материнского организма.

В действующем законодательстве Российской Федерации применение вспомогательных репродуктивных технологий недостаточно регламентировано, в результате этого на практике возникает большое количество спорных правовых вопросов: судьба эмбрионов в случае развода генетических родителей, которые выразили волю на их создание, в случае смерти одного из них или обоих потенциальных родителей, в случае отказа одного из них или их обоих на продолжение применения вспомогательных репродуктивных технологий, передача эмбрионов ученым для проведения научных исследований, отказ от эмбрионов в пользу медицинского учреждения или бездетной супружеской пары, законность искусственного прерывания беременности и редукции эмбрионов в случае многоплодной беременности и другие. Следует отметить, что указанные спорные правовые вопросы возникают не только в отечественной юридической практике, но и неоднократно встают перед зарубежными судами, однако в Европе нет какого-либо консенсуса по вопросам, касающимся процедуры экстракорпорального оплодотворения, поэтому каждое государство самостоятельно регулирует правоотношения, возникающие по поводу эмбриона *in vitro*.

Отечественная и зарубежная правовая наука выделяет три основных подхода к правовой природе эмбриона *in vitro*: эмбрион *in vitro* как субъект права; эмбрион *in vitro* как объект права; эмбрион *in vitro* как особое правовое явление (так называемое *sui generis*). В рамках различных подходов

предусматриваются разный объём прав, уровень и меры защиты эмбриона *in vitro*.

Эмбрион in vitro как субъект права. Данная точка зрения заключается в том, что оплодотворенную яйцеклетку рассматривают уже как человеческое существо. Следовательно, эмбрион имеет право на жизнь и обладает такой же ценностью, как и любой человек. Признание, соблюдение и защита прав эмбриона *in vitro* является обязанностью государства. Поэтому запрещено совершать любые действия, которые могли бы поставить под угрозу дальнейшее развитие эмбриона.

Каждый эмбрион имеет одинаковую ценность, поэтому не допускается никакая форма выбора между отдельными эмбрионами, то есть нельзя оценивать темп развития и качество каждого эмбриона, а затем на основании показателей оценки решать, каким эмбрионам дать шанс на дальнейшее развитие.

Сторонники данной позиции полагают, что прерывание беременности и любая форма исследования эмбриона, связанная с его разрушением, недопустимы в принципе. Единственным исключением может быть лишь ситуация, когда продолжение беременности будет представлять очевидную угрозу для жизни матери [3, с. 5].

В соответствии с п.200 постановления ЕСПЧ от 27.08.2015 «Дело «Паррилло (Parrillo) против Италии» в правовой системе Италии человеческий эмбрион считается субъектом правоотношений, требующий достойного человека обращения [4]. В США зачатые, но ещё не родившиеся дети, уже считаются гражданами государства и имеют право на медицинскую помощь и страховку. В некоторых штатах США, таких как Луизиана и Миссури, эмбрион рассматривается в качестве юридического лица, то есть в качестве субъекта правоотношений, который создан законом, имеет самостоятельную идентичность и предусмотренные законом права и обязанности, но при этом не является физическим лицом. В штате Теннесси считается, что человеческая жизнь начинается с момента зачатия, а ткани эмбриона обладают

индивидуальностью, уникальностью и возможностью дальнейшего развития. В Словацкой Республике и Ирландии признается право на жизнь нерожденного ребёнка. В Германии считается, что человеческая жизнь начинается с момента оплодотворения яйцеклетки, значит за эмбрионом признается право на жизнь, которое должно охраняться государством. В Австралии эмбрион вправе подать иск о возмещении вреда, который был причинен ему по неосторожности в период его внутриутробного развития.

Не допускается уничтожение эмбриона *in vitro* как субъекта права, в том числе и по желанию генетических родителей. Поэтому потенциальные родители, которые больше не хотят использовать свои эмбрионы, могут только передать их другой бездетной паре.

Сторонники данной позиции указывают, что запрещено создавать эмбрионы *in vitro* для любых других целей, за исключением имплантации эмбрионов в матку женщины и наступления беременности. В рамках данной позиции эмбрион *in vitro* обеспечивается максимальной защитой с момента оплодотворения.

Следует отметить, что законодательное закрепление эмбриона как субъекта права, может привести к возникновению следующих юридических проблем. Во-первых, необходимо будет пересаживать все полученные при проведении процедуры экстракорпорального оплодотворения эмбрионы, поскольку нельзя будет допустить гибель оставшихся эмбрионов. Во-вторых, под запретом окажется любое действие, которое могло бы причинить эмбриону вред, а также запрет будет установлен на криоконсервацию и некоторые преэмбриональные исследования, цель которых выявить различные аномалии развития, генетические заболевания и патологии у будущего ребёнка, но связанные при этом с риском гибели плода. В-третьих, уничтожение эмбрионов будет недопустимо, в том числе и по воле лиц, изъявивших желание на создание эмбрионов, и по решению суда. К тому же возникнет проблема законности редукции эмбрионов в случае многоплодной беременности и искусственного прерывания беременности. Ещё одна

трудность появится в случае, если в государстве законодательно разрешено искусственное прерывание беременности, ведь тогда высокий уровень защиты эмбрионов *in vitro* будет явно не соответствовать уровню защиты, предоставляемому плоду после имплантации. В случае, если эмбрион *in vitro* признают человеческим существом, возникнет вопрос о том, обладают ли эмбрион или плод (после наступления восьмой недели беременности) человеческим достоинством, которым наделен каждый человек, а если и обладает, то начиная с какого этапа развития. Также встанет вопрос о наличии или отсутствии индивидуальности у эмбриона или плода.

Противники указанной позиции считают, что в данном случае нарушается репродуктивная свобода генетических родителей, поскольку лица не могут самостоятельно решить вопросы, касающиеся материнства и отцовства, не имеют права принять решение об уничтожении своих эмбрионов. Однако необходимо сказать, что потенциальные родители перед применением вспомогательных репродуктивных технологий, в частности экстракорпорального оплодотворения и суррогатного материнства, в обязательном порядке дают добровольное информированное согласие на применение ВРТ – в этом и проявляется репродуктивная свобода генетических родителей, а эмбрион *in vitro* является закономерным последствием ее реализации. Ещё один аргумент против закрепления эмбриона *in vitro* как субъекта права состоит в том, что законодательное признание эмбриона *in vitro* как субъекта правоотношений может тормозить научный прогресс в сфере применения вспомогательных репродуктивных технологий, так как специализированные медицинские учреждения и генетические родители могут бояться того, что они нарушат права эмбриона *in vitro* и впоследствии за это будут привлечены к юридической ответственности [5, с. 124].

Эмбрион in vitro как объект права. Исследуемая точка зрения заключается в том, что эмбрион *in vitro* не имеет право на жизнь, поэтому нет необходимости предоставлять ему какую-либо защиту. Рассматривается эмбрион *in vitro* как вещь, которая принадлежит лицам, предоставившим для

создания эмбриона свои половые клетки. Вследствие этого не могут быть наложены ограничения на какие-либо действия в отношении эмбриона, если на это имеется согласие генетических родителей как лиц, которые вправе распоряжаться судьбой эмбриона. Сторонники данной позиции допускают проведение исследований, которые могут навредить эмбрионам человека или уничтожить их. В случае, когда будет необходимо произвести выбор из нескольких эмбрионов, то следует исходить из интересов генетических родителей, а не из интересов эмбрионов, следовательно, надо выбирать наиболее развитый и качественный эмбрион. В рамках данной точки зрения не ограничивается количество эмбрионов, которые можно создать за один цикл в процессе экстракорпорального оплодотворения, а неперенесенные эмбрионы можно криоконсервировать. Допускается проведение преимплантационной генетической диагностики и других преэмбриональных исследований. Если рассматривать эмбрион *in vitro* как объект правоотношений, то он будет являться совершенно незащищенным.

По мнению кандидата юридических наук, Дружининой Юлии Федоровны, эмбрион *in vitro* – это индивидуально-определенная, движимая, неделимая, потребляемая вещь, право собственности на которую принадлежит лицам (или лицу), обратившимся за медицинской помощью, а создание эмбриона является спецификацией. При создании эмбрион поступает в общую совместную собственность генетических родителей, и каждый из них может в любой момент отозвать свое согласие на проведение соответствующей процедуры. Также Дружинина Ю.Ф. считает, что если один из потенциальных родителей умирает, то все права на созданные эмбрионы должны переходить к пережившему родителю, а в случае гибели обоих генетических родителей – к медицинскому учреждению [6, с. 129].

В международной практике споры по поводу определения правовой природы и правового статуса эмбриона *in vitro* возникли при рассмотрении Европейским Судом по правам человека дела «Эванс против Соединенного Королевства». Заявительница страдала раком яичников, однако перед тем, как

ей удалили яичники, она прошла процедуру экстракорпорального оплодотворения вместе со своим на тот момент супругом. Было создано шесть эмбрионов, которые затем были криоконсервированы. После развода супруг отозвал свое согласие на использование эмбрионов, поскольку не желал быть генетическим отцом ребёнка заявительницы, и возник спор о дальнейшей судьбе эмбрионов. При разрешении данного дела Европейский Суд по правам человека указал на отсутствие какого-либо консенсуса в Европе по этому вопросу и пришел к выводу, что эмбрионы не обладают правом на жизнь, эмбрион не является субъектом права [7].

В Российской Федерации основные права и свободы человека принадлежат каждому от рождения, следовательно, не признается наличие правосубъектности у человека до его рождения. Если рассматривать российскую судебную практику за последние годы, то эмбрион *in vitro* определяется как объект обязательственных правоотношений. К примеру, в судебном деле с медицинским учреждением относительно проведения повторной процедуры ЭКО суд согласился с позицией медицинского учреждения о невозможности распоряжения эмбрионами, так как женщина вместе со своим мужем подписала заявление, согласно которому эмбрионы, созданные в процессе оказания медицинской услуги по экстракорпоральному оплодотворению, уничтожаются в случае смерти одного из супругов. На момент повторного обращения в медицинское учреждение супруг пациентки скончался. Жена умершего просила суд признать эмбрионы частью наследственного имущества ее умершего мужа, сохранить созданные и криоконсервированные эмбрионы для дальнейшей имплантации, а также на основании Закона РФ «О защите прав потребителей» оказать ей услугу в соответствии с заключенным договором, указывая в исковом заявлении, что обязательства по договору исполнены ненадлежащим образом, при этом сам договор об оказании медицинской услуги по экстракорпоральному оплодотворению не предусматривает, что окончание лечения может наступить досрочно в результате смерти одного из супругов. Однако Советский

районный суд Ростова-на-Дону отказал заявительнице в удовлетворении ее искового заявления, не признал эмбрионы частью наследства умершего, согласился с доводами медицинского учреждения, и в результате эмбрионы были уничтожены [8, с. 10].

Рассматривая данное судебное решение, возникает вопрос о возможности признания эмбриона частью наследства. В соответствии с правовыми нормами Федерального закона РФ «О временном запрете на клонирование человека» и Закона РФ «О трансплантации органов и тканей человека» органы и ткани человека, в частности имеющие отношение к процессу воспроизводства человека, включающие в себя репродуктивные ткани (яйцеклетку, сперму, яичники, яички или эмбрионы), изъяты из гражданского оборота, следовательно, права на них не могут перейти к третьему лицу, в том числе и к наследнику. Таким образом, эмбрион *in vitro* не может являться частью наследственного имущества и переходить по наследству.

С учетом вышеизложенного, можно сделать вывод, что законодательство и судебная практика Российской Федерации не считает эмбрион субъектом права, из этого следует, что эмбрион признается объектом гражданских правоотношений.

Однако доводы сторонников данной позиции можно опровергнуть следующими аргументами:

1) эмбрион не может быть отнесен к имуществу, так как он не поддается точной денежной оценке и не имеет стоимостного эквивалента, а само установление денежной оценки эмбриона противоречит нравственным (моральным) ценностям человека. Европейский центр права и справедливости утверждает, что эмбрионов нельзя считать вещами, так как понятию имущества свойственна экономическая коннотация, которую следует исключать в случае с человеческими эмбрионами (п.205 постановления ЕСПЧ от 27.08.2015 «Дело «Паррилло против Италии» [4]). При рассмотрении дела *Findley v. Lee* Верховный Суд Калифорнии указал, что при квалификации

эмбриона в качестве имущества игнорируется сама причина, из-за которой пары проходят психологически трудную и финансово затратную процедуру экстракорпорального оплодотворения: иметь ребёнка [5, с. 125].

2) режим вещных прав не адаптирован для регулирования правоотношений, которые возникают относительно эмбриона *in vitro*. К данным правоотношениям недопустимо применять режим совместной собственности и порядок распоряжения имуществом, находящимся в совместной собственности, поскольку раздел эмбриона или выдел доли одного из генетических родителей невозможен, в том числе путем выплаты одному из потенциальных родителей стоимости доли в праве на эмбрион, а также недопустимо обращение взыскания на долю в праве на эмбрион (ст. 254, 252, 253, 255 ГК РФ [9]), по причине отсутствия у эмбриона стоимостного эквивалента. Эмбрионы исключены из гражданского оборота, поэтому генетические родители не вправе передавать права в отношении эмбриона иным участникам оборота путем заключения каких-либо сделок.

Эмбрион in vitro как особое правовое явление (sui generis). Данная точка зрения на природу эмбриона *in vitro* предполагает, что эмбрион не представляет собой ни лицо, ни вещь, а является промежуточной категорией, которая обеспечивает эмбриону *in vitro* особое отношение к нему из-за его потенциала стать в будущем человеком. При этом эмбрион не является лицом, так как еще не развил в себе черты человека и может никогда не реализовать свой биологический потенциал. Верховный Суд Калифорнии при разбирательстве дела *Findley v. Lee* указал, что нет надобности признавать эмбрионы в качестве лица или имущества, так как родители заслуживают чего-то более тонкого, в результате этого суды признали эмбрионы в качестве особой категории (*sui generis*), которая отличается от иных правовых явлений [5, с. 125]. Подобный подход к природе эмбриона *in vitro* закреплен в правовой системе Нидерландов, в которой эмбрион не является ни субъектом, ни объектом правоотношений.

В рамках рассматриваемой позиции за эмбрионом (а после наступления восьмой недели беременности – плодом) признается определённый объём прав и уровень защиты, который постепенно увеличивается на протяжении всего периода развития будущего ребёнка. Полный объём прав и полноценная защита приобретается с момента рождения ребёнка.

Проанализировав вопрос о правовой природе эмбриона *in vitro*, можно сделать вывод, что эмбрион *in vitro* не следует признавать в качестве субъекта права, поскольку он еще не развил в себе черты индивида и может никогда не стать человеком. Вместе с тем, закрепление эмбриона *in vitro* в качестве лица повлечет новые юридические проблемы, связанные с недопустимостью уничтожения эмбрионов, искусственного прерывания беременности, редукции эмбрионов, проведения некоторых преэмбриональных исследований, криоконсервации эмбрионов и совершения других действий, способных причинить эмбриону вред. Однако признавать эмбрион *in vitro* в качестве объекта правоотношений также неверно, поскольку эмбрион не имеет стоимостного эквивалента, исключен из гражданского оборота, а режим вещных прав не приспособлен к регулированию отношений, возникающих относительно эмбриона *in vitro*. Эмбрион *in vitro* не подлежит разделу, не может являться предметом различных сделок и не может входить в состав наследства. Следовательно, эмбрион *in vitro* необходимо признать в качестве особого правового явления и законодательно предусмотреть его особый правовой статус и правовой режим. При этом эмбрион *in vitro* должен обеспечиваться защитой, которая будет направлена на создание наиболее благоприятных условий для оплодотворения и выращивания эмбрионов и соблюдение требований надлежащей медицинской практики. Главной целью защиты должна являться гарантия того, что эмбрион *in vitro* не будет подвергаться экспериментам, способным причинить ему вред или поставить под угрозу его потенциал развития.

Закрепление эмбриона *in vitro* в качестве особого правового явления повлечет, соответственно, установление на законодательном уровне особого

правового порядка регулирования отношений, возникающих по поводу эмбриона *in vitro*, и определённого уровня защиты эмбриона *in vitro*. На наш взгляд, необходимо ввести в гражданское законодательство четкие положения о содержании договора об оказании медицинских услуг по экстракорпоральному оплодотворению, одним из существенных условий которого, будет являться определение дальнейшей судьбы созданных в процессе процедуры ЭКО эмбрионов при наступлении определённых обстоятельств:

1) судьба эмбрионов в случае развода генетических родителей. Следовательно, потенциальным родителям необходимо договориться о том, кто из супругов вправе будет самостоятельно распоряжаться эмбрионами после официального расторжения брака;

2) судьба эмбрионов *in vitro* в случае смерти одного из генетических родителей или их обоих («сиротские» эмбрионы), или если один из них или оба потенциальных родителя признаны судом безвестно отсутствующими либо объявлены умершими. Лица, выразившие свою волю на создание эмбрионов, должны предусмотреть в договоре, что произойдет с эмбрионами при наступлении указанных случаев: они будут переданы другой нуждающейся паре для последующей имплантации эмбрионов или ученым для проведения научных исследований, будут криоконсервированы для дальнейшего переноса суррогатной матери, а родившийся ребенок будет передан одному из родственников генетических родителей или эмбрионы будут уничтожены;

3) судьба эмбрионов в случае отказа одного из генетических родителей или их обоих на продолжение применения вспомогательных репродуктивных технологий. Если возникнет ситуация, когда один из потенциальных родителей отзывает свое согласие на использование совместно созданных эмбрионов, то необходимо предусмотреть возможность дальнейшего использования эмбрионов тем генетическим родителем, который желает продолжать процедуру экстракорпорального оплодотворения. Однако можно

договориться о том, что генетический родитель, желающий в дальнейшем использовать совместно созданные эмбрионы в своих личных целях, не вправе будет требовать алименты от другого генетического родителя, отказавшегося продолжать применять вспомогательные репродуктивные технологии, рассказывать ребёнку о биологическом отце/матери, указывать его в свидетельстве о рождении ребёнка в качестве отца или матери и другое.

Если в договоре об оказании медицинских услуг по экстракорпоральному оплодотворению не будет определена дальнейшая судьба совместно созданных в процессе процедуры ЭКО эмбрионов при наступлении вышеперечисленных случаев как одно из существенных условий такого договора, то данный договор будет считаться незаключенным и не будет подлежать исполнению сторонами договора.

Можно и не закреплять в качестве существенного условия для заключения договора об оказании медицинских услуг по экстракорпоральному оплодотворению определение дальнейшей судьбы созданных в процессе процедуры ЭКО эмбрионов при наступлении обозначенных обстоятельств, однако тогда все вышеуказанные случаи должны быть предусмотрены в законодательстве. Следовательно, если генетическими родителями в договоре об оказании медицинских услуг по экстракорпоральному оплодотворению не оговорена судьба эмбрионов *in vitro*, будут применяться правила, закрепленные законодательством.

По нашему мнению, законодательно необходимо предусмотреть возможность проведения редукции эмбрионов в случае многоплодной беременности, если при вынашивании сразу нескольких прижившихся эмбрионов будет риск для жизни и здоровья женщины, а также высокий риск выкидышей, преждевременных родов или рождения детей с аномалиями развития при даче добровольного согласия генетической матери, поскольку именно она вынашивает эмбрионы. Также на законодательном уровне следует предусмотреть возможность искусственного прерывания беременности после имплантации эмбрионов при даче добровольного согласия обоих генетических

родителей, по желанию которых были созданы эмбрионы, а если дальнейшее вынашивание эмбриона будет сопровождаться риском для жизни и здоровья женщины, то только при даче добровольного согласия генетической матери. Криоконсервация и некоторые преэмбриональные исследования, цель которых выявить различные аномалии развития, генетические заболевания и патологии у будущего ребёнка, однако связанные при этом с риском гибели эмбриона должны быть законодательно разрешены, но применяться только при письменном согласии обоих генетических родителей.

Список использованных источников

1. О временном запрете на клонирование человека: Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ // [Электронный ресурс]. – URL: Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/>. (дата обращения: 15.06.2022).
2. О трансплантации органов и (или) тканей человека: Закон РФ от 22.12.1992 №4180-1 // [Электронный ресурс]. – URL: СПС «Консультант Плюс»: <https://www.consultant.ru>. (дата обращения: 15.06.2022).
3. Руководящий комитет по биоэтике Совета Европы (CDBI). Защита эмбриона человека *in vitro*: Доклад Рабочей группы по защите эмбриона и плода человека (CDBI-CO-GT3), Доклад по вопросам защиты эмбриона человека *in vitro* / Пер. на рус. яз. Резниченко Л.А. Научн. ред.: Член-корр. РАН Б.Г. Юдин, проф. Л.Ф. Курило. – Страсбург, 19 июня 2003. – CDBI-CO-GT3 (2003) 13.
4. Дело «Паррилло (Parrillo) против Италии» (жалоба N 46470/11) [Электронный ресурс]: Постановление Европейского Суда по правам человека от 27.08.2015. – URL: Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/>. (дата обращения: 22.05.2022).
5. Белова Д. А. Правовая природа эмбриона *in vitro* / Д. А. Белова // *Lex Russica* (Русский закон). – 2019. – № 6 (151). – С. 122-130.
6. Дружинина Ю. Ф. Правовой режим эмбриона *in vitro* // *Журнал российского права*. — 2017. — № 12. — С. 129—140.
7. Дело «Эванс против Соединенного Королевства» [Evans v. The United Kingdom] [Электронный ресурс]: (жалоба № 6339/05): Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 апреля 2007 года (вынесено Большой Палатой). – URL: СПС «Консультант Плюс»: <https://www.consultant.ru>. (дата обращения: 21.05.2022).
8. Головина Н. Н. Проблемы правового регулирования процедур экстракорпорального оплодотворения / Н. Н. Головина, И. В. Кирюшина // *Российско-азиатский правовой журнал*. – 2020. – № 1. – С. 9-13.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // СЗ РФ. –1994. – № 32. – Ст.3301.

УДК 340.114.6

ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Матвиенко Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: k.matvienko@donnu.ru

Щедрин Георгий Юрьевич

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: jora_shedrin@mail.ru

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются положения относительно профилактики правонарушений в современном российском обществе. Рассматриваются исторические аспекты его проявления, законодательное регулирование в области правонарушений, а так же основные понятия в области профилактики правонарушений.*

***Ключевые слова:** правонарушение, профилактика правонарушений, формы профилактики правонарушений.*

Под профилактикой правонарушений, понимается систематический, целенаправленный комплекс мер правового, информационного, организационного и иного характера, направленный на предотвращение, борьбу, устранение, а так же на недопущение совершения противоправного, антиобщественного поведения – правонарушения.

Профилактика правонарушений на современном этапе построения высокоразвитого российского общества, на наш взгляд, составляет глобальную проблему. В связи с отсутствием деятельных рычагов воздействия, правового регулирования, и взаимосвязи общества, государства в целом, и отдельных его элементов.

Борьба и профилактика правонарушений, в современном обществе, так же как и во все времена, является одним из актуальных и приоритетных направлений деятельности российского законодательства и российских учёных по совершенствованию и развитию в данной области. [1, с. 13]

Безусловно, следует отметить тот факт, что борьба с правонарушениями имеет в своей природе весьма обширные корни, что свидетельствует о

невозможности её искоренения, однако, посредством профилактики правонарушений, можно снизить их количество. Следовательно, профилактика правонарушений, наряду с другими задачами, направленными на борьбу с правонарушениями, является одной из ключевых.

Анализ современной юридической литературы, свидетельствует о том, что тема профилактики правонарушений в современном российском обществе занимает весьма высокий уровень среди всех прочих тем в данной области. В юридических кругах, остро отмечается тенденция правонарушений среди молодёжи, среди подростков, и прочих категорий лиц молодого возраста, что, несомненно, наталкивает на мысль относительно омолаживания правонарушений в обществе. Иными словами, в связи с отсутствием деятельных рычагов в области профилактики правонарушений, возраст лиц их совершающих постепенно снижается, что приводит к тенденции развития подростковых правонарушений. [6, с. 185]

Также ряд современных авторов в своих научных трудах, рассматривают в качестве основного инструмента для борьбы с правонарушениями федеральный закон от 23 июня 2016 года «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» который закрепляет основные положения относительно профилактики правонарушений. Исходя из анализа литературы, можно утверждать, что данный закон является базой для дальнейшего развития профилактики правонарушений. [2, с. 172]

Цель представленного исследования, является рассмотрение основных положений относительно профилактики правонарушений, а так же анализ законодательства в данной области.

Правонарушение по своей природе, является малозначительным проступком, которое лицо совершает. Иными словами, правонарушение является менее опасным для государства и общества в целом, это может быть пьянство, мелко хулиганство или незначительные аморальные поступки совершаемые лицом.

Однако, если не пресекать данные действия, если не бороться с их проявлениями, они сливаются в единую повседневную цепь, неправомерного поведения, которая окутывает личность. Количество постепенно начинает переходить в качество, и с течением времени, лицо начинает совершать всё более опасные виды правонарушений, плавно переходящие в жестокие преступления, которые в свою очередь являются весьма значительными для государства и общества в целом, а борьба с ними забирает очень много времени и средств. В виду этого, на наш взгляд, целесообразным является проведение профилактики правонарушений на первоначальном этапе их зарождения для дальнейшего их пресечения. [7, с. 32]

Итак, в первую очередь, для понимания основной направленности профилактики правонарушений, следует обратиться к истокам её возникновения. Многие философы древности, такие как Платон, Сократ, Аристотель, а также российские философы 17-18 веков, не раз в своих трудах, затрагивали вопрос о профилактике правонарушений, что даёт нам весомые основания полагать, что профилактика правонарушений, является неотъемлемой частью исторического процесса и развивается по мере развития общества.

В практическом аспекте идея профилактики правонарушений получила своё развитие ещё в период Древнего Рима, в законе XII таблиц. Данной свод законов был одним из первых вариаций профилактики правонарушений, который хотя и закреплял некоторые «дикие» положения, однако носил чёткий нормативный характер. К примеру, в таблице VIII указывалось, что «если совершивший в ночное время кражу, убит, то его убийство правомерно», так же в одной из таблиц закреплялись положения, относительно того, что если человек, будет уличен в лжесвидетельствовании, то его надлежит сбросить с Тарпейской скалы. Следует отметить, что хотя данные нормы и далеки от современной реальности, и выглядят весьма «дико», однако уже в период Древнего Рима, правоведы того времени,

задумывались над работой в области профилактики правонарушений, что существенно отразилось в данном законе.

Постепенно по мере развития общества, тематика профилактики правонарушений двигалась вместе с ним, будь то работы известных французских правоведов эпохи просвещения Шарля Монтескье и Чезаре Беккариа, которые помогли сформировать, основные положения в области уголовной политики, и по своей сути являлись революционными гениями своего времени, в области правовых исследований.

Профилактика правонарушений, в отечественном законодательстве, так же имела широкое развитие, так в Российской империи, создаются основы законодательства по профилактике правонарушений. Принимается Свод о предупреждении и пресечении правонарушений, который отразил все потребности того времени, и был весьма детализирован. Раздел первый данного свода был направлен на «Предупреждение и пресечение преступлений против веры», второй «О поединках и личных обидах», глава пятая «О нищенстве», раздел четвёртый «О предупреждении и пресечении преступлений, против личной безопасности». В ходе изучения данного свода, можно отметить, что он являлся весьма передовым, для своего времени, а некоторые из его особенностей не утратили своей актуальности и в нынешнее время.

В советский период профилактика правонарушений имела несколько этапов своего развития. На первоначальном этапе советского периода наблюдалось создание криминологических подразделений, которые формировались в разных городах, на базах некоторых институтов. И основной целью своей деятельности рассматривали варианты борьбы с правонарушениями советского человека, причинами их появления, путями предотвращения и ликвидации.

На втором этапе, в связи с резким ростом антиобщественного поведения в 1960 года и бурного негодования молодёжи в области социальной политики государства. Началось активное исследование мероприятий, направленных на

предупреждение антиобщественных проявлений. В связи с этим, стали формироваться многочисленные общественные организации по профилактике правонарушений, такие как народные дружины, товарищеские суды. Широкое распространение получил институт взятия на поруки лица, совершившего правонарушение, общество оказывало огромное влияние на профилактику правонарушений. Безусловно, нельзя говорить о том, что в данных процессах государство не принимало никакой роли, однако именно общество формировало и помогало государству в профилактике правонарушений, их действия по слаженной и коллективной работе помогли снизить и минимизировать уровень противоправного поведения в обществе.

Однако постепенно, на третьем этапе, роль общества в профилактике правонарушений, начала постепенно ослабевать, и причинах данного проявления, очень сложно судить. Однако постепенно, все заботы по профилактике правонарушений, вновь легли на плечи государства, и перешли в руки административных органов. После 1969 года, основным направлением в борьбе с правонарушениями, стали профилактические работы, которые в то время осуществлялись органами внутренних дел. Следует отметить, что милиция в то время, имела хорошее научно-методическое обеспечение, и их деятельность по профилактике правонарушений, закономерно приводила к положительным результатам. [3, с. 111]

Переходя к рассмотрению профилактики правонарушений в современном российском обществе, в первую очередь, хотелось бы отметить, что этот вопрос не потерял своей актуальности и в нынешнее время. Примером тому, является заявление президента Российской Федерации В.В. Путина, который подчеркнул на одном из заседаний Горсовета, что «и зарубежный, и наш собственный опыт показывают, что именно на этапе профилактики можно эффективно противодействовать практически всем видам преступлений. И что особенно важно - оградить от втягивания в криминальное болото молодежь и людей, которые оказались в трудной жизненной ситуации».

Принятие ФЗ от 23 июня 2016 г «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», стало отправной точкой для дальнейшего развития профилактики правонарушений.

Данный закон, на наш взгляд, в современно российском законодательстве является фундаментом, на котором строится всё законодательство в области правонарушений. Рассматривая данный закон, можно отметить, что по своей структуре он состоит из пяти глав, которые отражают все необходимые положения в области профилактики правонарушений. На наш взгляд, следует выделить и рассмотреть главу номер три - «Виды профилактики правонарушений и формы профилактического воздействия», поскольку именно в данной главе, содержатся все ключевые особенности относительно профилактики правонарушений. Так обращаясь к статье 17 данного закона «Формы профилактики правонарушений» мы можем увидеть весьма обширный перечень форм таких как:

- 1) правовое просвещение и правовое информирование;
- 2) профилактическая беседа;
- 3) объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения;
- 4) профилактический учет;
- 5) внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения;
- 6) профилактический надзор;
- 7) социальная адаптация;
- 8) ресоциализация;
- 9) социальная реабилитация;
- 10) помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми.

Законодатель рассматривает все эти формы по отдельности, выделяя под каждую отдельную статью, что несомненно на наш взгляд, является фактором, свидетельствующем о целенаправленном желании детально проработать данные направления. [5, ст. 17]

Однако, следует так же сказать, что все эти формы и виды профилактики правонарушений невозможны без вложения огромных материальных, а так же морально-нравственных ресурсов государства, а также и общества, что к сожалению, не получило должного отражения в данном законе. Иными словами, вопрос материального обеспечения противодействия правонарушениям, исходя из данного закона, весьма размыт и неясен, что на наш взгляд является упущением, на примере рассматриваемых форм.

Рассматриваемый закон, в общем и целом, затрагивает так или иначе все сферы человеческой жизни, что, несомненно, должно способствовать улучшению криминогенной обстановки, однако в связи с принятием данного закона существенных улучшений в данной области не произошло. На наш взгляд, это связано с тем, что хотя данный закон и установил чёткие формы профилактики правонарушений, и разобрал все основные положения по данному вопросу, однако сама материальная база, а также социальное взаимодействие не были организованы в должной мере, что в конечном итоге не дало должных результатов. [4, с 56]

Подводя итог, следует отметить тот факт, что вопрос относительно профилактики правонарушений является неотъемлемым от общества, и искоренить его невозможно в силу социальной природы человека. Его следует рассматривать, исключительно в аспекте снижения, но не как искоренения. Анализ исторических материалов, свидетельствует о том, что от Древнего Рима до наших дней, фактор профилактики правонарушений имел свою актуальность.

Во-вторых, рассматривая вопрос в области профилактики правонарушений, на современном этапе, можно утверждать, что ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»

является фундаментом в области профилактики правонарушений. Данный закон, отражает основные положения, закрепляет формы, виды, дает понятие в области профилактики и детально рассматривает каждую форму профилактики правонарушения. Однако, в данном акте, не получили должного отражения вопросы, связанные с материально техническим обеспечением профилактики правонарушений, что на наш взгляд является значительным пробелом в данном законодательном акте, поэтому необходимо дополнить данный закон вопросами, связанными с материальным обеспечением профилактики правонарушений.

В-третьих, следовало бы установить параллель между советским периодом и современным. В силу того, что в советском периоде широкое распространение имел институт взаимодействия государства и общества в области профилактики правонарушений, народные дружины, товарищеские суды, профсоюзы, кооперативы, все общественные организации, в целях своей деятельности стремились помочь государство в борьбе с правонарушениями и являлись надёжной опорой в данной области.

Рассматривая реалии современного российского общества, следует отметить, что вопрос об установлении тенденции взаимопомощи государства и общества в области профилактики правонарушений, является одним из ключевых факторов, в организации борьбы с правонарушениями. [8, с. 289]

Обращаясь к основным причинам и условиям правонарушений современного общества, можно с точностью выделить одну из основных причин – слабую морально-нравственную составляющую общества. Иными словами, современный человек, поддаваясь влиянию негативных и маргинальных групп населения, должен сам пытаться выбраться из того социального круга, в котором он оказался. Общественные организации, профсоюзы, и прочие общественные объединения не могут в должной степени, оказать помощь или поддержку такому человеку, в силу малочисленности штата, низкого материального обеспечения, и слабых морально нравственных установок.

Таким образом, в силу отсутствия помощи и поддержки со стороны государства такие общественные объединения обречены на провал, и в должной степени не смогут помогать в профилактике правонарушений, именно поэтому следует увеличивать материальную поддержку различных объединений, которые ставят целью своей деятельности борьбу с правонарушениями и пресечением противоправных деяний. Поскольку, как отмечал ещё великий поэт и философ XVII века, А.Н Радищев, предупредить преступление, намного лучше, чем бороться с ним.

Список источников

1. Павлов Д.В. Профилактика правонарушений [Электронный ресурс] // StudNet. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-pravonarusheniy/viewer>. (дата обращения: 15.06.2022).
2. Щербаков А.Д. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»: критическая заметка // Социально-экономические явления и процессы. – 2016. – Т. 1 – № 11. – С. 170-174.
3. Клейменов М.П, Кондратьев А. В, Сейбол Е.М. Профилактика правонарушений: исторический очерк // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2020. – Т.17 – №1. – С. 109-118.
4. Варыгин А.Н. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в российской федерации»: плюсы и минусы // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2017. – №2. – С. 56-58.
5. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : федеральный закон № 182-ФЗ. от 23.06.2016 [Электронный ресурс] / СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976. (дата обращения: 15.06.2022).
6. Болдина М.А, Деева Е.В. Программный подход в профилактике правонарушений несовершеннолетних // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.- 2021. – Т. 25. – № 195. – С. 180-190.
7. Иванов А.А. Правонарушение и юридическая ответственность. Теория и законодательная практика / А.А. Иванов. – Москва: Юнити-М, 2004. – 120 с.
8. Плотникова Т.В, Харин В.В. Причины и условия совершения противоправных деяний в современном обществе: теоретико-правовые аспекты и некоторые пути решения // Актуальные проблемы государства и права. – 2020. – № 14. – С. 287-293.

УДК 340

ПРИМЕНЕНИЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Мельниченко Юлия Станиславовна

кандидат юридических наук, старший преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г.Донецк
E-mail: sofya.sofiya.1977@mail.ru

***Аннотация:** в статье рассмотрены теоретические вопросы, законодательная база, относительно проблем применения смертной казни в условиях военного времени в Донецкой Народной Республике. Проанализированы и освещены конкретные позитивные и отрицательные стороны применения смертной казни, приведенные различными учеными-теоретиками и непосредственно юристами-практиками.*

***Ключевые слова:** смертная казнь, мораторий, исключительная мера наказания, уголовное законодательство, вооруженные конфликты.*

Право на жизнь является основополагающим правом человека, которое закреплено в статье 14 Конституции Донецкой Народной Республики – «каждый имеет право на жизнь» [1]. Суть данного права состоит в том, что если оно будет нарушено, то восстановлению подлежать уже не сможет. По этой причине, право на жизнь должно гарантироваться и охраняться государством наиболее эффективно и тщательно, даже по сравнению с другими немаловажными правами человека. В связи с этим, следует особо внимательно и ответственно относиться к вопросам, которые связаны с возможностью лишения жизни человека, ведь в случае неверного подхода могут наступить трагичные последствия, исправить которые уже не получится.

Определить сам момент зарождения явления «казни» человека достаточно сложно. Это связано с тем, что «предшественником» смертной казни можно считать «кровную месть, жертвоприношения, принцип око за око» и прочее.

В настоящее время применение смертной казни допускается в 58 странах, которые являются членами ООН, что составляет 29 % от общей

численности государств этой организации. Остальные члены ООН на юридическом уровне запретили смертную казнь на всей своей территории.

Категорически запрещающих смертную казнь международных документов нет. Действующий Международный пакт прав гражданского и политического характера допускает её применение в случае осуществления преступления, относящегося к категории особо тяжкие.

В 1997 году руководство РФ подписало протокол № 6 Европейской конвенции, после чего на всей территории страны был введен мораторий на казнь граждан. С того времени в России не было случаев исполнения приговоров с высшей мерой наказания. Среди всех стран СНГ подобное наказание допускается только в Белоруссии. В остальных странах СНГ подобная мера отменена, вместо неё назначают пожизненный срок либо наложен мораторий.

Среди стран Европы смертная казнь в настоящее время используется только в Белоруссии. Если смотреть на простые цифры, то в Белоруссии казней не так много: в 2017 году смертную казнь применяли только два раза, а женщины полностью освобождены от нее. Однако, Беларусь примечательна тем, что является единственной европейской страной, которая все еще практикует расстрелы. Приговоренные к смерти здесь содержатся в изолированных камерах, где постоянно включен свет, и с ними обращаются так, будто они уже мертвы. Надзиратели никогда не сообщают заключенным о дате казни, что очень давит на их психику. Таким образом, каждый визит охранников в камеру может оказаться последним. Эксперты считают, что с момента обретения независимости в 1991 году в стране было приведено в исполнение более 300 смертных приговоров.

Существует несколько развитых стран мира, в которых по настоящее время периодически назначается подобная мера. В тоже время существенно сократилось количество смертных приговоров в США и Японии, а вот в Китае и Саудовской Аравии убийство граждан применяется достаточно часто. Все

остальные государства, в которых допускается рассматриваемая мера наказания, относятся к малоразвитым странам Азии и Африки.

В некоторых странах к смерти могут приговорить не только за особо тяжкие преступления. За что смертная казнь может быть назначена, иногда действительно удивляет. Так, примером могут служить такие страны как Ливия и Конго. Их граждане могут получить высшую меру наказания за употребление алкоголя и убийство слона. В настоящее время смертная казнь отменена во всех 47 странах, которые являются постоянными членами Совета Европы.

При определении роли смертной казни в государстве, его население может задаться вопросом: если какое-либо лицо совершило преступное деяние, повлекшее за собой ужасные последствия (например, убийство с особой жестокостью), стоит ли лишить такое лицо жизни? У человека может возникнуть когнитивный диссонанс, когда с одной стороны фигурирует неотъемлемое и бесспорное право на жизнь, а с другой – деяния, совершенные лицом, заслуживающие, по его мнению, смерти. Кроме того, общество может задаться вопросом о том, «имеет ли право данное виновное лицо жить и, в конечном итоге, быть освобожденным из мест заключения?». Для ответа на поставленные вопросы юристы и ученые со всего мира постоянно изучают особенности, связанные с правом на жизнь и применением смертной казни, направленные на улучшение современного уголовного законодательства.

Сторонники смертной казни задаются множеством вопросов, прежде чем окончательно встать на сторону применения такого вида наказания.

Одним из основных аргументов, которые приводят сторонники смертной казни, является сохранение общественного порядка в обществе, а также оказание психологического давления на лиц, которые планируют совершить преступление.

В истории присутствовали как сторонники, так и противники применения смертной казни.

К примеру, сторонником наличия смертной казни в уголовном законодательстве можно считать русского поэта В. А. Жуковского. Так, при изучении его творчества, а, в частности, статьи о смертной казни, можно обозначить следующую цитату: «казнь – представитель строгой правды, преследующей зло и спасающей от него порядок общественный, установленный самим богом» [2, с. 429]. Из этого отчетливо видно отношение поэта к данной мере наказания.

В свою очередь, лауреат Нобелевской премии, общественный и политический деятель, а также известный русский писатель Александр Исаевич Солженицын, рассуждая о смертной казни и моратории на ее применение, отмечал: «Бывают времена, когда для спасения общества, государства смертная казнь нужна. Сейчас – именно такое время». А. И. Солженицын был уверен, что только после введения рабочего механизма смертной казни Россия и другие государства на постсоветском пространстве смогут по-настоящему побороть терроризм [3].

Известные немецкие философы, а именно Фридрих Гегель, Иммануил Кант и Георг Вильгельм, также являлись сторонниками смертной казни. В своих высказываниях данные философы множество раз подчеркивали значимость смертной казни.

Одной из главных конституционных ценностей человека является право на жизнь. Несмотря на это, на сегодняшний день уголовное законодательство Донецкой Народной Республики предусматривает применение смертной казни.

В молодом государстве, находящемся на сложном этапе становления государственности, смертная казнь предусмотрена в качестве исключительной меры наказания и призвана служить острым орудием борьбы с особо тяжкими и резонансными преступлениями против жизни, здоровья и половой свободы личности, а также способна выполнять превентивную функцию в обществе.

Главной причиной принятия смертной казни в Донецкой Народной Республике, по нашему мнению, стала тяжелая экономическая и политическая

ситуация в государстве, которая повлекла за собой всплеск преступной деятельности. Кроме того, немаловажным является и то, что Республика находится в условиях военного времени. В связи с этим, власти нашего государства были вынуждены действовать в экстремальных условиях и принимать, безусловно, неоднозначные меры для урегулирования сложившейся ситуации.

17 августа 2014 года в Донецкой Народной Республике состоялось первое заседание Президиума Совета Министров. Члены Президиума приняли два постановления: «Об утверждении Положения о Военных Судах Донецкой Народной Республики» и «Об утверждении Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики». За основу Уголовного кодекса ДНР была взята нормативно-правовая база Российской Федерации, но с одним важным отличием. В то время как в России действует мораторий на смертную казнь, в Донецкой Народной Республике он не вводился. Принятый в Республике Уголовный кодекс закреплял наличие смертной казни за совершение особо тяжких преступлений. Исполнение смертного приговора устанавливалось через расстрел.

Так, по мнению депутата Народного Совета Донецкой Народной Республики Елены Шишкиной пока существуют военное время и агрессия смертная казнь необходима. При этом нужен ответственный подход к вынесению смертного приговора, а также соблюдение гарантий наличия у осужденных возможности для обжалования таких приговоров [4].

Кроме того, профессор и автор исследования «Смертная казнь в современном мире» Виталий Квашиш, утверждает, что каждое государство во время войны вправе принять экстраординарные меры для продолжения борьбы [5].

Согласно ст. 43 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики одним из видов наказаний за преступления является смертная казнь. Кроме того, ч. 1 ст. 44 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики

устанавливается, что смертная казнь применяется только в качестве основного вида наказания.

Перечень деяний, за совершение которых может наступить смертная казнь, строго определен законодательством [6].

Так, ч. 1 ст. 58 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики, устанавливает, что смертная казнь как исключительная мера наказания может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь, а также за отдельные преступления, совершенные в военное время или в боевой обстановке.

Стоит отметить, что Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики закрепил положение о том, что смертная казнь не назначается женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста (ч. 2 ст. 58). Данное ограничение введено на основании принципов гуманизма, которыми руководствуются законодатели при составлении законов. Так, ограничение применения смертной казни в отношении несовершеннолетних объясняется тем, что у таких лиц психологическое состояние сформировано не полностью, вследствие чего, они могут легче подвергаться внешнему влиянию со стороны других людей. Кроме того, у несовершеннолетних отсутствует жизненный опыт, из-за чего они не всегда могут правильно интерпретировать свои поступки, предполагая, что их действия – единственное верное решение в сложившейся ситуации. В свою очередь, смертная казнь не применяется в отношении женщин по той причине, что в современной мировой практике такое не распространено, хоть исключения и существуют [7].

Вместе с тем, предусмотрены и другие основания, когда смертная казнь не может быть применена.

В частности, смертная казнь не назначается лицу, выданному Донецкой Народной Республике иностранным государством для уголовного преследования. Это может быть связано как с международным договором

Донецкой Народной Республики, так и на основе принципа взаимности, если в соответствии с законодательством иностранного государства, выдавшего лицо, смертная казнь за совершенное этим лицом преступление не предусмотрена. Кроме того, иностранное государство может определить условием выдачи неприменение смертной казни по отношению к данному лицу.

В Донецкой Народной Республике смертная казнь в порядке помилования может быть заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок двадцать пять лет.

Нельзя не отметить, что лицам, которые приговорены к смертной казни, государством должно быть обеспечено соблюдение прав, предусмотренных законом.

Так, в соответствии с ч. 5 ст. 14 Уголовно-исполнительного кодекса Донецкой Народной Республики, осужденным к смертной казни перед исполнением приговора по их просьбе обеспечивается возможность совершить все необходимые религиозные обряды и церемонии с приглашением священнослужителей [8].

Также, осужденному должна быть предоставлена возможность обратиться с ходатайством о помиловании и замене смертной казни.

Кроме того, у осужденного к смертной казни существуют и иные права, предусмотренные ст. 196 Уголовно-исполнительного кодекса ДНР.

Смертная казнь в Донецкой Народной Республике исполняется непублично путем расстрела. Наступление смерти осужденного констатируется врачом.

Тело для захоронения не выдается и о месте его захоронения не сообщается (предполагается, что таким образом предотвращается возможное осквернение места захоронения и недопущение других схожих действий со стороны общественности).

В Донецкой Народной Республике впервые смертный приговор был вынесен в феврале 2016 года. Такое заявление было сделано судьей

Верховного суда, исполняющей обязанности председателя Военного трибунала Людмилой Стратейчук [9]. При этом, кто именно являлся первым приговоренным – уточнено не было.

Второй смертный приговор в Донецкой Народной Республике был вынесен в 2018 году. Тогда Верховный суд приговорил к смертной казни Анатолия Якубенко – члена организации «Казачий Союз "Область Войска Донского"». Данное лицо занималось жестокими грабежами в период с 2014 по 2015 год. Приговор к «высшей мере наказания» был вынесен за участие в указанной банде и убийство двух девушек.

Применение исключительной меры наказания в виде смертной казни в Донецкой Народной Республике вызвало обеспокоенность международного сообщества. Так, в докладе Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (УВКПЧ) «Права человека в контексте правосудия по уголовным делам, связанным с конфликтами в Украине апрель 2014 – апрель 2020» говорится следующее: «УВКПЧ обеспокоено также тем, что «ДНР» ввела смертную казнь. УВКПЧ известно о двух случаях, где «суд» «ДНР» постановил смертный приговор, однако по состоянию на дату этого доклада эти «приговоры» не были выполнены. Тем не менее, они продолжают вызывать беспокойство» [10, с. 24].

По нашему мнению, отмечая заметную обеспокоенность части граждан и международного сообщества в связи с появлением такой исключительной меры наказания как смертная казнь, власти Донецкой Народной Республики пойдут по пути гуманизации уголовного законодательства, когда «покончат с войной». Возможно в связи с этим, существует необходимость проведения референдума для того, чтобы узнать мнение граждан Республики по поводу отмены или оставления смертной казни в уголовном законодательстве страны.

В связи с этим, изложенные обстоятельства дают основания полагать, что данный вид наказания востребован на территории Донецкой Народной Республики по многим причинам.

Во-первых, из-за сложившейся экономической и политической ситуации уровень преступности в государстве заметно возрос. Такое положение, в свою очередь, негативно сказалось на населении, которое остро нуждалось в механизме, способном если не убрать полностью, то хотя бы снизить преступность в стране.

Во-вторых, Республика находится в условиях военного конфликта. Это, несомненно, влияет на гуманность существующего законодательства. Как правило, в военное время преступность приобретает наиболее ужасающие формы, что требует решительных действий от государственной власти.

В это сложное время, когда Вооружённые Силы РФ совместно с вооруженными силами ДНР и ЛНР проводят на Украине и на Донбассе специальную военную операцию для оказания помощи людям на Донбассе, которые в течение почти восьми лет самыми варварскими методами – блокадой, крупномасштабными карательными акциями, терактами и постоянными артиллерийскими обстрелами – подвергаются настоящему геноциду, вопросы, связанные с применением смертной казни в Донецкой Народной Республике в условиях военного времени являются наиболее болезненными и животрепещущими.

Так, в настоящее время Генеральной прокуратурой ДНР полностью сформировано уголовное дело в отношении наемников из Великобритании Шона Пиннера и Эйдена Дэниэла Джона Марка Аслина, а также подданного Королевства Марокко Саадун Брагима, которые участвовали в подготовке и ведении военных действий против Республики.

Уголовное дело возбуждено по признакам преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 34 (совершение преступления группой лиц), ст. 323 (насильственный захват власти или насильственное удержание власти) и ст. 430 УК ДНР (наёмничество).

Следствием установлено, что Шон Пиннер, Эйден Аслин и Саадун Брагим, действуя в составе ВСУ в качестве наемников, принимали участие в подготовке и ведении боевых действий против Донецкой Народной

Республики. Арестованные иностранцы обвиняются в наёмничестве и совершении группой лиц по предварительному сговору действий, направленных на насильственный захват власти и насильственное изменение конституционного строя ДНР.

По мнению главы отдела по расследованию преступлений против мира и безопасности человечества следственного управления Генпрокуратуры ДНР Виктора Гаврилова в отношении группы иностранных наемников из Великобритании и Марокко могут применить смертную казнь. Ведомство завершило расследование уголовного дела в отношении наемников, принимавших участие в подготовке и ведении военных действий против ДНР. Материалы дела переданы в один из республиканских судов для рассмотрения по существу, в результате которого к обвиняемым с учетом военного времени может быть применена высшая мера наказания — смертная казнь [11].

Таким образом, по нашему мнению, в условиях военного времени в Донецкой Народной Республике не возможна гуманизация системы наказаний, так как самые страшные преступления, чудовищные, циничные — заслуживают смертной казни. Таких преступников не исправить и не наказать, потому что нет наказания, соразмерного их вине.

Список источников:

1. Конституция Донецкой Народной Республики – URL: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/>. (дата обращения: 05.01.2022).
2. Жуковский В. А. Сочинения В. Жуковского. – 5-е изд. – Санкт-Петербург: [Тип. II-го Отд. Соб. Е. И. В. Канцелярии]. – Т. 11: Посмертные сочинения в прозе, 1857. – 429 с.
3. Солженицын А. И. В России нужно возродить смертную казнь // Россия: новостной портал: Lenta.ru. 29.04.01. URL: <https://lenta.ru/news/2001/04/29/execution/>. – (дата обращения: 05.01.2022).
4. В ДНР отказались вводить мораторий на смертную казнь // Новостной портал: Lenta.ru. 23.06.2021. URL: https://lenta.ru/news/2021/06/23/dnr_kazn/. (дата обращения: 05.01.2022).
5. Казнь – не месть, а высшая степень соцзащиты // Новостной портал: Газета.ru. 14.08.14. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2014/08/18/6180805.shtml>. (дата обращения: 05.01.2022).
6. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики: принят Верховным Советом Донецкой Народной Республики от 19.08.2014, действующая редакция по состоянию на 22.09.2021. / Официальный сайт Народного Совета. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>. (дата обращения: 05.01.2022).

7. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / Отв. Ред. В. И. Радченко, науч. Ред. А. С. Михлин, В. А. Казаков. – Москва: Проспект, 2009. – 326 с.
8. Уголовно-исполнительный кодекс Донецкой Народной Республики: принят Народным Советом Донецкой Народной Республики: Закон №299-ІНС от 30.06.2021, действующая редакция по состоянию на 01.01.2022. – Официальный сайт Народного Совета: URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-ispolnitelnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>. (дата обращения: 05.01.2022).
9. Суд ДНР впервые вынес смертный приговор // Новостной портал: Право.ru. 12.02.2016. URL: <https://pravo.ru/interpravo/news/view/126228/>. (дата обращения: 05.01.2022).
10. Права человека в контексте правосудия по уголовным делам, связанным с конфликтами в Украине апрель 2014 – апрель 2020 // Доклад Управления Верховного комиссара ООН по правам человека. 27.08.20. – URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/Ukraine-admin-justice-conflict-related-cases-ru.pdf>. (дата обращения: 05.01.2022).
11. Генеральной прокуратурой ДНР возбуждено уголовное дело в отношении группы иностранных наемников – URL: <http://gpdnr.su/news/2618-generalnoy-prokuraturou-dnr-vozbuzhdeno-ugolovnoe-delo-v-otnoshenii-gruppy-inostrannyh-naemnikov.html>. – (дата обращения: 05.01.2022).

УДК 1(091)

ФИЛОСОФСКАЯ ТРАКТОВКА ПРАВА

Миргородский Андрей Александрович

кандидат философских наук, доцент

ГБУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Дзержинского», г. Донецк

E-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

Васильева Лина Витальевна

ГБУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Дзержинского», г. Донецк

Земляк Юнона Юрьевна

ГБУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Дзержинского», г. Донецк

***Аннотация.** В работе исследуется развитие и функционирование права под влиянием философии. Базовые понятия юриспруденции сформировались из первичных идей и рассуждений философов, затем право отошло от использования сугубо философских мыслей. Однако принципы философии используются в работе юристами постоянно.*

***Ключевые слова:** гуманность, общество, право, спор, философский анализ.*

Право охватывает практически все сферы жизни человечества. Являясь социальным явлением, оно рассматривается с самых разных сторон. Ученые до сих пор не пришли к единому мнению о происхождении права и даже о его некоторых понятиях. В настоящее время идет обсуждение и переоценка большого количества правовых аспектов и фактов. То, что ранее считалось обыденным и законным, сейчас считается антигуманным. Ярким примером этому является споры о таком юридическом наказании, как смертная казнь.

В современной научной литературе об актуальности темы свидетельствуют постоянные споры ученых, философов о вопросах гуманности права. Так, исследования об одном из таких вопросов о том, нужна ли смертная казнь, проводили С.С. Алексеев, Г.З. Анашкин, В.И. Белослудцев, С.В. Бородин, Н.И. Ветров, В.М. Волженкина, С.И. Дементьев, А.Л. Дзигарь, Е.П. Ищенко, М.Ю. Дворецкий, А.И. Анапольская и другие. К примеру, П.И. Новгородцев говорил о совершенствовании общества во взаимосвязи с нравственным совершенствованием личности [6].

Цели статьи состоят в том, чтобы определить, каким образом философия и право представляют собой две универсально значимые категории. Чтобы детально рассмотреть данную тему, мы обратимся к истокам права и рассмотрим трактовку права со стороны философского взгляда.

На данный момент существуют множество теорий происхождения права и государства, которые возникли благодаря длительному рассуждению людей на определенные темы, вычленения взаимосвязей и т.д. Со временем сформировалась целая система.

Приведем такие самые известные примеры, как теологическая теория, патриархальная теория, договорная или естественно-правовая теория, марксистская (классовая) теория, теория насилия, расовая теория, органическая теория, психологическая теория, ирригационная или гидравлическая теория. Рассмотрим некоторые из них.

Теологическая теория, название которой происходит от греческих слов «теос» – Бог и «логос» – учение, т. е. учение о Боге. Это одна из древних теорий происхождения государства. Она объясняет возникновение и существование государства результатом Божьего промысла. Государство вечно, как сам Бог, а государь наделяется Богом властью повелевать людьми и реализовывать Божью волю на земле. Люди должны беспрекословно подчиняться воле государя.

Истоки патриархальной теории заложил еще Аристотель (384–322 до н. э.). Он, в частности, считал, что люди как коллективные существа стремятся к общению и образованию семей, а их развитие ведет к образованию государства. Но в наиболее полном виде эта теория получила обоснование в работе английского ученого Роберта Филмера «Патриархия, или Естественная власть короля» (XVII в.), где он доказывал, что власть монарха неограниченна, поскольку исходит от Адама, а он получил свою власть от Бога и был не только отцом человечества, но и его властелином [5]. Мы видим, что государство и право рассматриваются с разных сторон. Развивается общество,

приходят новые идеи, сменяются эпохи, меняется весь мир, в том числе и право.

Философия и право находятся в симбиозе, идеи из одной отрасли деятельности людей перетекают в другую. Так, право во взаимосвязи с философией как наукой образуют новую дисциплину, а именно философию права. Философия права – это прежде всего история ответов на важнейшие вопросы, возникающие в процессе понимания и применения права. Вопросы эти ставились с древнейших времен, и в различные эпохи люди находили на них свои ответы. Однако удивительно и ценно то, что в процессе изучения истории философии права становится ясно, что по мере развития представлений о праве и справедливости человечество сумело выработать и обосновать целый ряд общих положений, своего рода правовых универсалий, верных для всех и во все времена [2]. Философия права занимается выяснением смысла права, его сущности, связи права и закона, ценностей права, роли права в жизни общества. Философы определили понятие «права». Например, И. Кант рассматривает его как ум, нравственность и личную свободу. Он считал, что законы в первую очередь связаны с этическими вопросами. Однако не все многообразие идей философов вошло в науку права, эти знания ускоряют процесс развития, но не являются единственным источником и двигателем. Элементы философии в системе права существуют до сих пор, и это не только нерешенные вопросы теории, а также практические задачи, которые приходится решать постоянно.

Философия в некотором роде положила основу юриспруденции. Именно философы разработали идеи происхождения права и государства. Философы нашли основную цель права: восстановление справедливости и подготовка среды для её восстановления. Все социальные институты при анализе многих норм права явно или неявно опираются на философские понятия справедливости и свободы. Элементы философии в системе права существуют до сих пор, и это не только нерешенные вопросы теории, а также практические задачи, которые приходится решать постоянно. Во время работы

перед юристами часто возникают задачи, связанные с их субъективным пониманием ситуации и в этих случаях им приходится пользоваться основными принципами философии.

Сама юриспруденция затрудняется содержательно ответить на такие вопросы: в чём сущность права, какова природа справедливости, насколько обширно понятие прав человека. Право предназначено для регулирования общественных отношений, что делает значимым вопрос о реализации права, его толковании и применении. Правовые знания постоянно развиваются, законы меняются, однако без взаимодействия с другими науками и рассмотрения понятий с разных точек зрения ответить на вопросы, которые волнуют общественность уже на протяжении долгого промежутка времени, невозможно. Несмотря на количество усилий, прикладываемых учёными и общественностью, часть вопросов всё равно остаются без содержательных ответов. Вопрос гуманности и смертной казни стоит очень остро на протяжении последних 20-30 лет, но единого решения так и не найдено. На данный момент каждое государство само решает использовать ей этот вид наказания или нет.

Тема, рассмотренная выше, имеет большое значение для права и философии. Итак, право – один из инструментов взаимодействия общества и личности, помогающий адаптироваться человеку к меняющемуся миру. Многозначность связей человека с миром находит отражение в праве, учитывающем сложность и противоречивость бытия.

Таким образом, знания, которые мы получаем благодаря философскому толкованию права, невероятно важны. Они помогают увидеть явление с разных сторон, пополняют количество информации, дают почву для размышления. На данный момент влияние философии на работников правоохранительной деятельности велико. В деятельности судьи, адвоката, прокурора всегда есть фактор размышления и рассуждения, взвешивания всех «за» и «против». Они опираются на своё понимание справедливости, добра и зла и т.д. А это значит, что они опираются на философские понятия и знания,

которые были приобретены ими в течение жизни. Тем самым с определенным основанием можно отстаивать тезис о том, что в юридических науках в процессе поиска и установления истины используются методы различных философских школ. Естественно, что речь идет о «прагматическом» использовании методов и приемов диалога, диалектики, догматизма, герменевтики, а не о простой опоре на философские концепции. При этом основная задача философии права – исследование глубинных, метафизических, социальных и духовных, религиозных и этических предпосылок правопорядка, правосознания и правотворчества.

Список источников

1. Алексеев Н. Н. Основы философии права / Н. Н. Алексеев. – СПб.: Юрид ин-т, 1999. – 216 с.
2. Афонасин Е.В., Дидикин А.Б. Философия права: Учеб. пособие / Е.В. Афонасин, А.Б. Дидикин. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. – 92 с.
3. Брокгауз Ф. А. Иллюстрированный энциклопедический словарь: современная версия / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Москва: Эксмо, 2008. – 104 с.
4. Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / Под ред. В.В. Волкова. – М.: Статут, 2012. – 368 с.
5. Морозова Л.А. Теория государства и прав: учебник / Л.А. Морозова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 464 с.
6. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / П. И. Новгородцев. – М.: Наука, 1996. – 269 с.

УДК 342.71-049.65«364»

ЗАЩИТА ПРАВА НА ГРАЖДАНСТВО В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Руденко Петр Васильевич

аспирант

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

E-mail: rudenko_pv@gmail.com

***Аннотация:** в статье рассматриваются вопросы реализации и защиты прав человека на гражданство в современном геополитическом пространстве. Устанавливается необходимость реформирования института гражданства для совершенствования российского законодательства в области защиты прав и свобод человека и гражданина.*

***Ключевые слова:** институт гражданства, право на гражданство, защита прав человека, безопасность личности, дискриминация по национальному признаку.*

Современное государство пребывает в состоянии постоянных качественных изменений, происходящих почти во всех сферах общественной жизни его граждан. Модернизация правовой системы как Российской Федерации (далее – РФ), так и любого иного государства является одним из главных критериев оценки степени социальности правового демократического государства. Степень соответствия законодательства должна отвечать современным ориентирам стратегического курса развития страны, уровню социально-экономического и технологического развития, а также положениям, заложенным в основном законе государства и международных правовых документах.

В отечественной юридической литературе значительный вклад в формирование доктринальных положений института гражданства внесли такие исследователи как: С. А. Авакьян, К.Л. Александрова, Л. В. Андриченко, С. Н. Бабурин, В.Я. Бердникова, Н. В. Витрук, В. Л.Д. Воеводин, С. А. Глотов, А. А. Головкин, А.Н. Горшенев, А.И. Денисов и др.

Целью данного исследования выступает анализ особенностей и проблем защиты права человека на гражданство в условиях обострения геополитической ситуации.

Институт гражданства как историко-правовая категория имеет важное значение в конституционно-правовой доктрине РФ. Гражданство Российской Федерации является связующим звеном между российским государством и личностью, определяющее содержание и формы их взаимоотношений [1, с. 16]. Исходя из этого, законодательство о гражданстве требует постоянного критического осмысления, а проблемы, возникающие в данной сфере – научного обоснования и выработки путей их решения. Это обусловлено в первую очередь необходимостью решения внутригосударственных проблем, которые связаны с современными глобализационными процессами, возрастанием внутренних и внешних угроз обеспечения прав человека и нормального функционирования всей системы государственного управления и государственной политики Российской Федерации.

Гражданство рассматривается прежде всего в качестве права, представляющего собой прочную и устойчивую в пространстве и времени правовую связь между государством и отдельным индивидом.

Законодательное регулирование института гражданства, являясь системообразующим элементом правового государства, способно к достижению ряда основополагающих целей страны, среди которых: повышение государственных гарантий защиты прав человека и гражданина; обеспечение государственного суверенитета; установление баланса между интересами личности, общества и государства [2].

Взаимосвязь государства и гражданина – проблема, свойственная любому государственно-образованному обществу [3]. Несмотря на то, что институт гражданства имеет глубокие исторические корни, в научной литературе до сих пор ведутся споры относительно сущностного определения данного понятия.

Так, С.С. Кишкин, автор фундаментальной работы «Советское гражданство», верно подчёркивал, что «...очень трудно дать более или менее удовлетворительное, не только определение, но хотя бы даже описание

понятия гражданства. Понятие это юридически представляется весьма трудно уловимым» [4, с. 4].

Стоит отметить, что дефиниция «гражданство» нашла своё законодательное закрепление в Законе РФ от 28 ноября 1991 года № 1948-1 «О гражданстве Российской Федерации». Так, в соответствии со ст. 3 указанного нормативно-правового акта, гражданство Российской Федерации – это устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей [5]. Необходимо также подчеркнуть, что данный закон внёс существенный вклад в теорию и практику института гражданства, положил начало новому подходу в регулировании вопросов в данной сфере.

Особо выделить необходимо то, что указанный закон принимался в условиях конфликтообразующей политической ситуации, фактического распада Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР). Так, важным аспектом того времени являлось закрепление в ныне действующем законе правового статуса бывших граждан СССР, проживающих на территории РФ, как граждан суверенного государства. Установление данного положения предоставило гражданам бывшего СССР реализовать свои права на российское гражданство, что положительным образом повлияло на уровень развития института гражданства РФ, дало толчок гуманистическим идеям равенства людей, защиты от дискриминации в указанной сфере.

На данный момент, в условиях обострения геополитической ситуации, институт гражданства и его отдельные элементы подвергаются трансформации ввиду воздействия на них субъективных и объективных факторов. В связи с этим приоритетной задачей для государства выступает налаживание такой политики, которая будет направлена на преодоление негативных тенденций в области правового регулирования указанного института. Вопрос защиты прав человека, в том числе защиты права на гражданство, в период вооруженных конфликтов должен стоять наиболее остро. Это обусловлено тем, что именно в это время общие гарантии,

связанные с безопасностью личности, уважением прав и свобод приобретают второстепенное значение, что полностью противоречит политико-правовому концепту современного демократического государства. Нарушение прав человека в условиях вооруженного конфликта и военной оккупации являются нарушениями основных международных принципов права в области прав человека и гуманитарного права, воплощенных в международно-правовых инструментах в области прав человека и в Женевских конвенциях 1949 г. и дополнительных протоколах к ним [6].

Гражданство, как многоаспектное политико-правовое явление, отражает идейную направленность любого государства. Политика России направлена на сохранение национальной идентичности, в связи с чем в стране предусмотрена упрощённая процедура принятия в гражданство тех лиц, которые являются «носителями русского языка». Целесообразным представляется рассмотрение такой проблемы, как право на гражданство соотечественников, находящихся за пределами РФ.

На своём пути к российскому гражданству, указанная категория лиц, являясь особым субъектом правоотношений, сталкивается с множеством бюрократических барьеров, различными формами дискриминации по национальному признаку и иными проблемами, что должно повышать интерес РФ в области обеспечения защиты прав и свобод таких лиц. Так, главной проблемой в процедуре получения гражданства РФ для иностранных граждан, имеющих статус носителя русского языка, является обязательное предоставление документа полномочного органа иностранного государства, подтверждающий выход из иного гражданства в порядке, предусмотренном законодательством данного государства. Исходя из этого, стоит согласиться с мнением специального представителя Государственной Думы РФ по вопросам миграции и гражданства К. Затулина, который отметил, что: «...процедуры получения вида на жительство и самого гражданства России поставлены в зависимость от иностранных регламентов, от волюнтаризма иностранных

чиновников, от политических проблем и текущих взаимоотношений между Россией и страной гражданства носителя русского языка» [7].

Таким образом, в законодательстве о гражданстве РФ имеют место проблемы реализации и защиты прав человека на гражданство, которые выступают неотъемлемым правом, составляющих основу правового положения личности любого государства, что подчеркивает необходимость незамедлительного решения острых вопросов в указанной сфере. В большинстве случаев существующие пробелы правоприменительной практики в регулировании вопросов гражданства возникают из-за несовершенства деятельности органов внутренних дел и их чрезмерной роли в реализации права человека на гражданство [8].

Правовое регулирование способов приобретения, изменения и утраты гражданства, как на уровне национального законодательства, так и в положениях международных нормативно-правовых актов должны быть гармонизированы к настоящим социально-политическим реалиям, что будет выступать положительным моментом в области защиты прав и свобод отдельных индивидов и обеспечения реализации общегосударственных интересов России.

Список источников:

1. О наиболее приоритетных направлениях миграционной политики Российской Федерации: Сб. науч. тр. / Под общей редакцией руководителя ФМС России К.О. Ромодановского, Е.Ю. Егоровой, В.А. Лянного. - М.: ФМС России, 2014. – 273 с.
2. Никитина, Е. Е. Законодательство о гражданстве и совершенствование миграционной политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Журнал российского права. 2019. №7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelstvo-o-grazhdanstve-i-sovershenstvovanie-migratsionnoy-politiki-rossiyskoy-federatsii>. (дата обращения: 01.11.2022). – Загл. с экрана.
3. Давудова Д.К. Актуальные проблемы института гражданства в Российской Федерации [Электронный ресурс] / Д.К. Давудова // Актуальные вопросы юридических наук : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, ноябрь 2012 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2012. – URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/43/2961/>. (дата обращения: 01.11.2022).
4. Кишкин С.С. Советское гражданство / С.С. Кишкин ; под редакцией В. И. Яхонтова. – Москва : Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1925. – 97 с.
5. О гражданстве: Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/. (дата обращения: 02.11.2022).

6. Добарина Т. Защита прав личности во время вооруженных конфликтов [Электронный ресурс] / Т. Добарина // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-lichnosti-vo-vremya-vooruzhennyh-konfliktov>. (дата обращения: 27.11.2022).
7. Пояснительная записка к законопроекту № 69201-7 «О внесении изменений в Федеральный закон от 31 мая 2002 года N 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» и в Федеральный закон от 25 июля 2002 года N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в отношении носителей русского языка» [Электронный ресурс] // СПС «ГАРАНТ». – URL: <https://base.garant.ru/57276714/>. (дата обращения: 02.11.2022).
8. Гандалоев Р.Б. Проблемные аспекты в законодательстве о гражданстве [Электронный ресурс] / Р.Б. Гандалоев // Право и управление. – 2022. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-v-zakonodatelstve-o-grazhdanstve>. (дата обращения: 02.11.2022).

УДК 340.12:32.019.51

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА КАК ФОРМАТ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Свиридова Кристина Евгеньевна

ассистент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

E-mail: k.sviridova@donnu.ru

***Аннотация:** в статье рассматриваются особенности информационно-психологической войны как нового формата вооруженных конфликтов. Проведён анализ использования методов и приемов ведения данного вида войны, на примере современных событий.*

***Ключевые слова:** информация, информационная безопасность, цифровое общество, обеспечение национальной безопасности, информационно-психологическая война.*

Переход от индустриального общества к информационному поставил ряд задач, среди которых первоочередную роль занимают решения вопросов, связанных с обеспечением максимально удобного доступа населения к полезной и ценной информации, предоставлением возможности обсуждения важных проблем в дистанционном формате, а также обменом данными между научными, экономическими, политическими, культурными сообществами и отдельными индивидами [1]. В связи с этим, особое значение приобретают такие термины как «безопасность» и «национальная безопасность», что

напрямую зависит от прогрессирующего научно-технических процессов в обществе, его информатизации и т.д. С каждым днём прослеживается динамика возрастания угроз и рисков для развития личности, общества и государства, как на национальном уровне, так и на международном.

Информационная безопасность в век современных технологий играет в системе национальной безопасности значительную роль в связи с тем, что именно от нее зависит обеспечение сохранности данных и возможность коммуникации и координации между государственными органами и обществом. С целью обеспечения информационной безопасности в её основу должны быть положены все первостепенные задачи как внутренней, так и внешней политики государства.

Фундаментальные исследования отечественных ученых, касаемые данной темы, имеют междисциплинарный характер, в связи с чем, их можно условно разделить на несколько подгрупп: исследования по общим проблемам теории безопасности и национальной безопасности, труды, применительно к проблемам информационной безопасности и работы, посвященные теории информационных войн. Исходя из этого, интерес представляют работы следующих авторов: Э.М. Андреев, И.А. Василенко, А.В. Возжеников, Б.В. Громов, А.П. Дмитриев, И.И. Завадского, А.А. Прохожев, П.С. Ромашкин, Г.Л. Смолина, С.В. Смутьский, Турко Н.И., А.Д. Урсул, Д.С. Черешкина, В.Н. Цыгичко, А.В. Шевченко, Д.Ю. Швец, В.И. Ярочкин и др.

Целью данного исследования выступает анализ такого явления как «информационно-психологическая война» и её значение в условиях обострения военно-политической обстановки государства.

В век высоких технологий каждый человек имеет доступ к огромному количеству информации, а с развитием глобальной сети Интернет и интеграцией человеческой деятельности в киберпространство, информационное влияние на граждан стало как никогда простым, а информация стала инструментом ведения информационных войн.

Современные информационные технологии преобразовали почти каждую сферу человеческой деятельности [2, с. 252].

Как справедливо отмечает М.В. Шкеле в своей работе: «...Получаемая информация может оказывать «запрограммированное» вредоносное влияние на здоровье и психику человека. Осуществляя скрытое программирование, можно манипулировать его предпочтениями и поведением, формировать негативные личностные качества, например склонность к агрессии, насилию и т. д.» [3]. В связи с этим интерес представляет такое явление как «психологическая война» или «информационно-психологическая война».

Термин «информационно-психологическая война» приобрел самостоятельный статус как вид информационного противоборства, основанный на скрытном проникновении в сферу сознания противника с целью замены присущей ему информационной картины мира на выгодную противоположной стороне [4, с. 11].

Указанный термин также можно трактовать, как:

1. Воздействие на гражданское население и/или военнослужащих другого государства путём распространения определённой информации.
2. Целенаправленные действия, предпринятые для достижения информационного превосходства путем нанесения ущерба информации, информационным процессам и информационным системам противника при одновременной защите собственной информации, информационных процессов и информационных систем [5, с. 79].

Несмотря на то, что понятие «информационно-психологическая война» было введено в обиход менее, чем сто лет назад, однако данный вид противоборства известен ещё с древности. Так, исторически первая форма информационного противостояния конфранкующих сторон – использование вербальных средства коммуникации, которые заключались в ослаблении морального духа противника путём духовного воздействия на его психику, уровень враждебности и т.д. Истоками идей информационно-психологического воздействия на противоположную сторону можно считать

первоначальное осмысление правителями древнего мира физически ненасильственного управления массами людей [6, с. 6].

В настоящее время, с учётом специфики современных информационных правоотношений, воздействие на психику людей и ведение психологических войн стало возможным при помощи использования достижений современных технологий. Так, в отечественной науке выделяют два основных направления посредством которых возможно осуществление информационно-психологического противоборства, среди которых: информационно-техническое, объектами воздействия которого являются информационно-технические системы (главные объекты нападения информационного оружия - техника), и информационно-психологическое, для которого в качестве таковых выступают информационно-психологические объекты (главные объекты нападения информационного оружия – люди, их психика и общественное сознание) [7, с. 381].

Нужно констатировать тот факт, что указанное явление всегда представляло актуальность в практике взаимоотношений между государствами. Однако, в современной мировой практике её значение как особого формата вооруженного конфликта значительно возросло. Как справедливо отмечает А.В. Кириченко, появились устойчивые тенденции в современной практике использования психологических технологий для решения различных проблем политического, экономического, военного, организационного характера [8].

С учётом развития технологий и распространения своего влияния, такой глобальной сети, как Интернет стало возможным ведение психологической войны в так называемом «дистанционном формате», при этом воздействие психологических приёмов на неограниченный круг лиц стал ещё проще.

Среди преимуществ для стороны-агрессора в реализации своих целей, путём информационно-психологического воздействия, можно выделить следующее:

- 1) минимизация затрат на проведение полномасштабных военных действий;
- 2) возможность не разрушать, а сохранять с целью дальнейшего использования в интересах страны-агрессора всего, что имеет отношение к экономике и трудовым ресурсам «страны-мишени»;
- 3) подрыв государственного строя страны-мишени за счёт перестройки её ментального пространства, инспирированный государством-агрессором, что позволяет последнему провести эту масштабную операцию в значительной степени скрытно, переложив собственную ответственность на силы «гражданского неповиновения» и «ненасильственного сопротивления» внутри самой страны-противника и др. [4, с. 20-21].

Технологии психологического воздействия посредством использования современных информационных технологий стали инструментом формирования «...нового мирового порядка, реализации стратегических планов ведущих стран мира, по сути, оружием массового психического поражения, более эффективным, чем даже ядерное оружие [8]», которое в условиях формирования цифрового общества должно иметь постоянный контроль со стороны государства с целью предотвращения разрушительного воздействия на национальный уклад страны.

Наиболее ярким примером современности внедрения информационно-психологических методов воздействия с целью подрыва национальной безопасности, суверенитета государства и разжигания внутренних и внешних междоусобиц являются события, связанные с проведением специальной военной операции Российской Федерацией на территории Украины. Так, в средствах массовой информации, а также сети Интернет распространены случаи фальсификации данных о проведении специальной операции, что создаёт почву для управления сознанием значительных групп населения, введением их в заблуждение относительно тех или иных значимых событий. Информация, которая имеется в сети Интернет имеет характер «вирусности»,

т.е. проникая через данный канал связи, те или иные данные моментально расходятся по различным сайтам, социальным сетям и т.д., начиная производить визуальную стимуляцию на сознание людей, посредством ярких лозунгов, утрированной информации, фальсифицированных данных и иного рода техник влияния на подверженное воздействию сознание.

Итогом выступает массовая паника, подверженность психологического настроя личности манипуляциям со стороны власти противоборствующей стороны, разжигание межнациональной розни, что в совокупности является глобальной угрозой для национальной безопасности государства, в отношении которого проводится информационная война.

Таким образом, по справедливому высказыванию О.А. Дворянкина «... в информационном противостоянии используются приемы и методы обработки информации, позволяющие целенаправленно, быстро и скрытно воздействовать на военные и гражданские информационные системы противника с целью подрыва его политики, экономики, боеготовности, в конечном итоге национальной безопасности» [9].

Особую важность приобретают вопросы правового характера, связанные с определением соотношения между свободой слова и секретностью, открытостью глобального информационного пространства и вопросами информационной безопасности государства, защитой информационных систем от внешних атак [10]. Поэтому, политика любой страны должна включать в себя положения комбинированного характера: меры направленные на усиление охраны своего населения от воздействия недостоверной информации через телекоммуникационные каналы связи и предоставление должной свободы в осуществлении прав, гарантированных государством без какого-либо необоснованного ущемления.

Список источников:

1. Свиридова К.Е. Информация как объект уголовно-правовой охраны в условиях цифровизации российского общества / К.Е. Свиридова // Проблемы совершенствования законодательства и прокурорской деятельности : сборник научных трудов XV Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов (26 ноября 2021 г., Саратов) / [отв. ред. Ю.Н. Боярская] ; Саратовская

государственная юридическая академия. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2021. – С. 275-276.

2. Информационные технологии: учебник / Ю.Ю. Громов, И.В. Дидрих, О.Г. Иванова, М.А. Ивановский, В.Г. Однолько. – Тамбов : Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2015. – 260 с.

3. Шкеле М.В. Информационная безопасность как объект уголовно-правовой охраны [Электронный ресурс] / М.В. Шкеле // Общество. Коммуникация. Образование. 2010. №105. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-bezopasnost-kakobekt-ugolovno-pravovoy-ohrany>. (дата обращения: 15.11.2022).

4. Воронова О.Е. Современные информационные войны: типология и технологии : монография / О.Е. Воронова ; Ряз. гос. ун-т. имени С.А. Есенина. — Рязань, 2018. – 188 с.

5. Барабаш В.В. Информационная война: к генезису термина / В.В. Барабаш, Е.А. Котеленец, М.Ю. Лаврентьева // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2019. – № 3(33). – С. 76-89.

6. Сулейманова Ш.С., Назарова, Е.А. Информационные войны: история и современность: Учебное пособие. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2017. – 124 с.

7. Прокофьев В.Ф. К проблеме формирования основных понятий в области информационной безопасности / В.Ф. Прокофьев // Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке. Сборник научных статей. / Под ред. ген. Полковника Балувеского Ю.Н. – М.: ЦВСИ, 2004. – С. 377-389.

8. Кириченко А.В. Информационно-психологические войны: современные тенденции и технологические возможности [Электронный ресурс] / А. В. Кириченко // Акмеология. – 2015. – №4 (56). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-psihologicheskie-voyny-sovremennye-tendentsii-i-tehnologicheskie-vozmozhnosti>. (дата обращения: 29.11.2022).

9. Дворянкин О.А. Информационная война в сети Интернет [Электронный ресурс] / О.А. Дворянкин // Молодой ученый. – 2021. – № 6 (348) [. – URL: <https://moluch.ru/archive/348/78457/>. (дата обращения: 01.12.2022).

10. Шатило Я.С. Информационные войны [Электронный ресурс] / Я.С. Шатило, В.Н. Черкасов // Информационная безопасность регионов. – 2009. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-voyny>. (дата обращения: 01.12.2022).

УДК 340

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО, ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПРАВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Степанова Юлия Сергеевна

старший преподаватель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

E-mail: yu.stepanova@donnu.ru

Аннотация. В статье автором очерчивается круг проблем в правовой сфере, возникших в связи с IT-революцией и развитием информационного общества. Автором делается вывод о необходимости взвешенного анализа и пересмотра существующих правовых традиций в науке и практике с ориентацией на урегулирование отношений в сфере вещных прав (в частности права собственности) и электронных коммуникаций.

Ключевые слова: информационное общество, цифровизация, право собственности, правоотношение, субъект правоотношений, объект правоотношений.

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий является материальной предпосылкой развития качественно нового состояния общества, получившего название информационного. В цифровой реальности преломляется действие и содержание многих социальных (особенно правовых) регуляторов и институтов, в том числе и права собственности. В условиях третьей волны глобализации важную роль в развитии стран играет цифровая экономика, определяющим фактором развития которой является информация. Цифровая экономика – это не отдельная отрасль, а виртуальная среда. Все чаще цифровая экономика переплетается с традиционной экономикой, поэтому провести между ними разграничение становится все сложнее.

Основными продуктами цифровой экономики являются товары и услуги традиционной экономики, но предоставляемые (поставляемые) с помощью компьютерного оборудования и цифровых систем типа глобальной сети Интернет. Это имеет свои преимущества, главным из которых является обеспечение широко доступа обычным пользователям к рынкам товаров и

услуг, что в свою очередь это способствует снижению транзакционных издержек и повышению эффективности предпринимательской деятельности.

Проблемам исследования права собственности как ключевого института частного права посвящены работы многих авторов как отечественных (Г.Ф. Шершеневич, И.А. Покровский, А.В. Венедиктов, О.С. Иоффе, А.В. Дзера и др.), так и зарубежных (Л.С. Беккер, Дж. С. Бонбрайт, Ж. Карбонье). Среди современников, занимающихся вопросами в данной сфере, но уже в контексте цифровизации и информационного общества можно назвать Э.В. Талапину, А.А. Кархия и других. Однако в условия глобальной цифровизации развитие права собственности имеет свои специфические особенности, что обуславливает необходимость дальнейших исследований в указанном направлении. Концептуальные положения, философско-методологические, филологические, социологические аспекты информационного общества отражены в научных наследованиях таких авторов как Д.С. Абдулаев, Р.Ф. Азизов, А.О. Алексеевой, Е.В. Арляповой, А.В. Бахметьевой, Д.Ю. Бокова и др.

Целью исследования является научное исследование и анализ проблем правового регулирования правоотношений в целом и отношений в сфере вещного права в частности в условиях развития IT-технологий и формирования информационного общества в Донецкой Народной Республике.

IT-революция, начавшаяся с середины прошлого века, привела к слиянию технологий и размыванию границы между физическими, техническими и биологическими сферами. Информационно-коммуникационные и цифровые технологии активно внедряются в промышленность, изменяя основы бизнес-моделей и многих производственных процессов. Процесс виртуализации не только способствует замещению реальных рыночных институтов их симуляцией, в том числе с помощью компьютерных технологий, но и ведению хозяйственной деятельности преимущественно в сети Интернет: создание виртуальных организаций, заключение электронных договоров, продвижение товаров и

услуг в сети, представление электронных деклараций, а также использование криптовалюты. Новые технологии существенно влияют на формирование, как спроса, так и предложения. Конечный потребитель товаров все больше оказывает воздействие на хозяйственную деятельность компаний, вынуждая их подстраиваться под его потребности во всех сферах – от дизайна и рынка сбыта до способов доставки товаров. Цифровые технологии стали причиной изменения содержания, формы и механизма действия права.

Как известно право (в самом общем виде) это система правил поведения (норм), направленных на регулирование общественных отношений между субъектами по поводу определенного объекта. Процессы цифровизации оказывают активное внешнее воздействие на каждый из элементов, указанных в данном определении – субъекты, объект и правоотношение.

Субъектами правоотношений, традиционно, являются физические и юридические лица. Вступая в виртуальные отношения, не обязательно совпадающие с жизненными, но способными вызвать реальные юридические последствия (и в данном случае речь в большей степени будет идти о физических лицах) участники сталкиваются с проблемой идентификации: сетевое имя, nickname или просто вымышленные фамилия, имя и отчество; IP - адрес не дают достоверной информации о субъекте. Одним из вариантов решения Э.В. Талапина предлагает «смириться с тем, что субъект права в Интернете может вообще не идентифицироваться» [1]. Следует отметить, что анонимность в меньшей степени важна для заключения частных коммерческих сделок и в большей степени касается отношений в области публичного права. Но этим круг проблем, связанный с субъектами правоотношений, не ограничивается.

В юридической науке и практике в последнее время все чаще разгораются дискуссии относительно right to be forgotten (так называемое «право на забвение»); права на цифровую смерть; блока информационных прав человека (часть из которых распространяется и на юридические лица).

Назревает проблема появления новых субъектов права, что связано с экспериментами в сфере создания искусственного интеллекта. В связи с этим появляется множество вопросов, ответы на которые еще предстоит найти (является ли, например, гиноид субъектом права; кто несет юридическую ответственность за его действия и т.п.).

В ряду объектов правоотношений, закрепленных в ст. 164 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики, особое место занимает информация [2]. Информация, и в этом заключается ее уникальность, охватывая все сферы жизни общества, является универсальным объектом, существующим в любой правовой отрасли, как частного, так и публичного права. Создание, обладание и доступ к информации и информационным потокам – те ключевые вопросы, которые в условиях цифрового общества приобретают особую остроту в сферах экономики, государственного управления, а также регулирования частных правоотношений. При этом важен не только доступ к конкретному документу/информации, но и возможность непосредственно участвовать в процессах управления, правотворчества и т.п. В качестве примера можно привести Центр управления регионом, так называемый ЦУР, созданный в Подмосковье, предоставляющий жителям возможность интерактивного участия в обсуждении проблемных вопросов и оказывать влияние на принятие окончательного решения по ним.

Кроме того, передовые технологии способствуют появлению новых объектов – электронные деньги, криптовалюта и т.д.; а новые способы создания объектов права (например, 3D-принтер), ставят вопрос о правовом режиме создаваемых объектов. Значительным прорывом в сфере правового регулирования правоотношений с «цифровыми» объектами является включение в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации нового вида объектов прав – «цифровые права» [6]. При этом считаем необходимым отметить отсутствие достаточной научной проработанности данной правовой категории, что может стать причиной новых проблемных вопросов. Теоретически право к новым, виртуальным объектам может относиться по-

разному – не замечать их появления, действовать по аналогии или обособить их в качестве «иного имущества», применив к таким отношениям нормы о соответствующих видах договоров, деликтах и неосновательном обогащении [1]. Следует быть готовыми к постановке вопроса о возникновении права собственности в отношении таких вещей, поскольку наметившиеся тенденции противоречат сложившейся отечественной традиции.

Так, в гражданских кодексах, как Донецкой Народной Республики, так и Российской Федерации к объектам права собственности (как ключевого вещного права) относятся исключительно вещи телесные. По мнению А.О. Рыбалова, логическое и систематическое толкование норм второго раздела Гражданского кодекса Российской Федерации, посвященного праву собственности, позволяет заключить, что объектами права собственности (как и любого другого вещного права) могут быть только телесные объекты – вещи, которые можно потерять, уничтожить, передать и т.п. Данной точки зрения придерживаются и другие авторы, например, В.Ф. Яковлев, утверждающий, что «к электрической энергии неприменима такая категория гражданского права, как право собственности». По его мнению, то, что можно было бы считать правом собственности на электрическую энергию, ни одной из характеристик вещных прав не обладает [3]. Отрицает возможность применения положений вещного права к бестелесным вещам и российская судебная практика: «исходя из специфики бездокументарной акции, невозможно владеть ею как существующей в осязаемой форме вещью в виде физического обладания» [4]. Более того, как отмечает Верховный Суд Российской Федерации: «Право собственности, как следует из содержания статьи 209 Гражданского кодекса Российской Федерации, может признаваться только на индивидуально определенную вещь, которая реально существует в природе. Иное будет противоречить существу права собственности» [5].

Следует отметить, что в рассматриваемом аспекте понимание права собственности в рамках гражданского права имеет существенные различия с пониманием этого же института, представителями конституционного права. В

актах Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека категория «право собственности» трактуется расширительно – как вообще имущественное право, принадлежащее субъекту (конкретному лицу). Концепция собственности или «имущества» включает в себя широкий спектр экономических интересов, причем квалифицирующим признаком является экономическая ценность объекта права [5]. На сегодняшний день, традиционные представления о праве собственности не соответствуют реалиям цифрового общества и требуют переосмысления.

Подвержены изменениям и правоотношения в целом – третий, наиболее динамичный компонент права. Как отмечает Э.В. Талапина, законодательно уже признана юридическая сила виртуальных действий – заключение сделки по правилу «двух кликов», программирование будущих сделок (так называемые «автоплатежи») [1]. Вместе с тем, в гражданском праве в связи с виртуальными сделками возникает проблема определения договора. Согласно ст. 154 Гражданского кодекса Российской Федерации для заключения договора необходимо выражение согласованной воли всех его участников (сторон договора) [6]. Однако для соглашений, заключаемых виртуально, как справедливо замечает Э.В. Талапина, далеко не всегда происходит такое согласование воли [1]. Так называемые умные контракты – smart contractus – заключаемые без участия человека, нельзя считать согласованными в понимании ст. 154 Гражданского кодекса Российской Федерации [6].

В качестве выводов, хочется отметить, что это не весь круг проблем, возникающих в связи с глобальной мировой цифровизацией общества и затрагивающих важнейшие стороны его жизни. Очевидно одно, правовые традиции в науке и практике, формировавшиеся на протяжении десятилетий ни одним поколением юристов не отвечают современным потребностям стремительно развивающегося качественно нового общества, а во многом даже препятствуют его развитию. Бесспорно, перестроить устоявшийся порядок молниеносно не возможно. Внесение изменений должно осуществляться взвешенно, продуманно и быть направленными, в первую

очередь, на урегулирование отношений в сфере вещных прав (в частности права собственности) и электронных коммуникаций.

Список источников

1. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. – №2. – 2018. – С. 5-17
2. Гражданский кодекс Украины: Комментарий, в 2х томах / под общ. ред. Е.О. Харитоновой, О.М. Калитенко. – Т. 1. – Издание второе. – Харьков: ООО «Одиссей», 2004. – 832 с.
3. Яковлев В.Ф. правовое государство: вопросы формирования / В.Ф. Яковлев. – Москва: Статут, 2012. – 488 с.
4. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 8 февраля 2016 г. № 04АП-7381/2015 по делу № А58-5534/2015 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=RAPS004;n=52419#07568301773947179>. (дата обращения: 28.06.2022).
5. Рыбалов А.О. Право собственности (комментарий к ст. 209 ГК РФ) [Электронное издание]. – М.: М-Логос, 2017. – 96 с. – URL: <http://m-lawbooks.ru/wp-content/uploads/2018/11/A.O.-Ryibalov-Pravo-sobstvennosti.pdf>. (дата обращения: 28.06.2022).
6. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть первая – четвертая [Электронный ресурс]: [Принят Гос. Думой 23 апреля 1994 года, с изменениями и дополнениями по состоянию на 18 июля 2009 г.]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. (дата обращения: 28.06.2022).

УДК 340+344

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО СТАТУСА ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ

Степанова Юлия Сергеевна

старший преподаватель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Анохина София Михайловна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

E-mail: sofiaanohina85@gmail.com

***Аннотация.** В статье анализируется понятие юридической ответственности, на основании которого выводится определение юридической ответственности военнослужащих. Кроме того, рассматриваются основные отличительные особенности юридической ответственности данной категории граждан.*

***Ключевые слова:** военнослужащий, юридическая ответственность, правовой статус военнослужащего, юридическая ответственность военнослужащего.*

Вопрос о юридической ответственности военнослужащих в современных реалиях военного времени, безусловно, является актуальным. Кроме того, актуальность исследуемой темы обосновывается отсутствием в юридической науке единообразного понимания термина «юридическая ответственность», а, следовательно, открытостью вопроса об однозначном определении термина «юридическая ответственность военнослужащих». Более того, данное правовое явление отражает характер взаимоотношений между гражданином, состоящим на действительной воинской службе, и государством, что обуславливает необходимость более глубокого изучения данного вопроса.

Проблематика исследования понятия и особенностей юридической ответственности военнослужащих стала предметом научного интереса таких ученых как О.В. Шаркиной, Н.А. Клементьевой, С.А. Микриковой, Д.И. Провалинского, С.А. Погорелова, А.Н. Станкина, Э.А. Титановой и др. Несмотря на наличие достаточного количества научных работ, посвященных

изучаемой тематике, мы можем отметить, что имеющиеся научные труды не раскрывают в полной мере эту обширную и многогранную тему.

Целью данной работы является теоретико-правовое исследование понятия юридической ответственности как элемента правового статуса военнослужащего и ее особенностей.

В рамках данного исследования представляется логичным определить, прежде всего, понятие «юридической ответственности». Данный вопрос был предметом исследования многих представителей юридической науки, в частности, можно выделить таких авторов, как: А.В. Мелехин, Д.А. Липинский, Е.А. Цишковский, И.С. Штод, А.Г. Чернявский и другие.

К примеру, А.В. Мелехин определяет юридическую ответственность как обязанность правонарушителя претерпеть санкции, которые предусмотрены нормами права и применяются полномочными органами за совершенные им противоправные деяния [1, с. 330]. В.О. Миронов также определяет юридическую ответственность как отрицательные последствия, которые наступают для лица, совершившего противоправные деяния [2, с. 69]. Еще одним сторонником данного подхода является И.С. Штод, который также отмечает, что юридическая ответственность проявляется в виде лишений различного характера (личного, организационного или имущественного) [3, с. 43].

Однако в данном случае не учитывается, так называемая, позитивная юридическая ответственность. Следовательно, представляется логичным придерживаться точки зрения Ю.М. Савельева, который отмечает, что позитивная и негативная юридическая ответственность являются двумя формами одной категории – юридической ответственности [4, с. 79].

Итак, юридическая ответственность «это нормативная, гарантированная и обеспеченная государственным принуждением, убеждением или поощрением юридическая обязанность по соблюдению и исполнению требований норма права, реализующаяся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае

ее нарушения – обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и ее реализация» [4, с. 80]. Данное определение наиболее полно раскрывает понятие юридической ответственности.

Говоря о юридической ответственности военнослужащих, можно отметить, что чаще всего определение данного термина сводится к негативной юридической ответственности. Так, например, Д.И. Провалинский в своем исследовании отмечает, что юридическая ответственность военнослужащих определяется как установленная правовыми нормами обязанность военнослужащего, совершившего противоправные деяния, претерпеть неблагоприятные последствия [5, с. 274]. Однако в противовес такому подходу к пониманию данного термина А.Н. Станкин выступает сторонником двухаспектной формы юридической ответственности. Следовательно, юридическую ответственность военнослужащих можно определить как установленную правовыми нормами совокупность объективных и субъективных признаков, которые характеризуют правомерное поведение военнослужащего. В данном случае к объективным признакам, в частности, автор относит обязанность соблюдать правовые предписания. К субъективным признакам относятся способность субъекта осознавать и понимать предъявляемые требования, а также формировать внутренние убеждения к данным требованиям. А в случае совершения правонарушения, юридическая ответственность подразумевает обязанность военнослужащего, совершившего противоправные деяния, претерпеть неблагоприятные последствия [6, с. 31].

На сегодняшний день существуют различные подходы к рассмотрению категории «правовой статус личности». К примеру, Н.И. Матузов и А.В. Малько утверждают, что правовой статус является сложной собирательной категорией, которая отражает весь комплекс связей человека с обществом и государством [7, с. 202]. Однако в большинстве случаев авторы отождествляют данное понятие с правами, обязанностями, свободами,

юридической ответственностью определенного субъекта. Как справедливо утверждает об этом О.Ф. Скакун правовой статус личности – это не что иное, как система закрепленных в нормативных правовых актах, гарантированных государством свобод, прав, обязанностей и ответственности, в соответствии с которыми индивид, обладающий правосубъектностью, координирует свое поведение. [8, с. 410].

По мнению Н.И. Матузова, «в структуру этого понятия входят следующие элементы: а) правовые нормы, устанавливающие данный статус; б) правосубъектность; в) основные права и обязанности; г) законные интересы; д) гражданство; е) юридическая ответственность; ж) правовые принципы; з) правоотношения общего (статусного) типа» [7, с. 203]. Следовательно, юридическая ответственность выступает элементом правового статуса личности.

Правовые основы статуса граждан, состоящих на действительной воинской службе, определены Законом Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) от 19.03.2015 № 09-ІНС «О статусе военнослужащих». Согласно данному закону, статус военнослужащих определяется как совокупность прав и свобод, которые гарантируются государством, а также обязанностей и ответственности военнослужащих, которые непосредственно устанавливаются Законом ДНР «О статусе военнослужащих», Конституцией ДНР, а также иными нормативно-правовыми актами ДНР [7].

Кроме того, закон содержит указание на то, что военнослужащие могут привлекаться к юридической ответственности на общих основаниях, однако с учетом их правового статуса. В зависимости от характера и степени общественной опасности правонарушения военнослужащие несут дисциплинарную, административную, материальную, гражданско-правовую и уголовную ответственность.

Безусловно, юридическая ответственность граждан, состоящих на действительной воинской службе, имеет отличительные черты, присущие

юридической ответственности в целом, а также ряд особенностей, которые выражаются в следующем:

1) юридическая ответственность указанной категории граждан регулируется как общими нормами права ДНР, так и специальными военно-правовыми нормами;

2) ввиду того, что права и свободы военнослужащего в некоторой степени ограничены законодательством, круг составов правонарушений шире в сравнении с иными гражданами. К примеру, Уголовный кодекс ДНР содержит такие составы преступлений, как дезертирство (ст. 401), самовольное оставление части в боевой обстановке (ст. 402), нарушение правил обращения с оружием, а также с веществами и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих (ст. 406), а также ряд иных преступлений, причем военнослужащий выступает в них как специальный субъект [9].

3) юридическая ответственность военнослужащих имеет более строгий характер в сравнении с иными категориями граждан и отличается специфическими мерами (например, лишение нагрудного знака отличия и т.п.);

4) командирам законодательно предоставлены специальные полномочия по привлечению военнослужащих к юридической ответственности, а также условия для их реализации [5, с. 275].

Видовая характеристика юридической ответственности военнослужащих не является предметом данного исследования, однако важно отметить, что отдельные ее виды также имеют свои особенности. К примеру, административную ответственность указанная категория граждан может также нести по дисциплинарным уставам.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что при определении понятия юридической ответственности военнослужащих необходимо учитывать позитивную и негативную формы юридической ответственности в целом. Следовательно, юридическую ответственность

военнослужащих можно определить как установленную правовыми нормами совокупность объективных и субъективных признаков, которые характеризуют правомерное поведение военнослужащего. А в случае совершения правонарушения, юридическая ответственность подразумевает обязанность военнослужащего, совершившего противоправные деяния, претерпеть неблагоприятные последствия.

Среди особенностей можно выделить следующие: юридическая ответственность лиц, состоящих на действительной воинской службе регулируется как общими нормами права ДНР, так и специальными военно-правовыми нормами; круг составов правонарушений военнослужащих шире в сравнении с иными гражданами; имеет более строгий характер в сравнении с иными категориями граждан и отличается специфическими мерами; командирам законодательно предоставлены специальные полномочия по привлечению военнослужащих к юридической ответственности.

Список источников:

1. Мелехин, А. В. Теория государства и права: учебник с учебно-методическими материалами / А. В. Мелехин – М.: Кнорус. – 2009. – 545 с.
2. Миронов В.О. Зин Н.В. О юридической ответственности / В.О. Миронов, Н.В. Зин // Право и государство: теория и практика. – 2020. – №12 (192). – С.69-71.
3. Штод И.С. Юридическая ответственность, её признаки и стадии / И.С. Штод // Проблемы экономики и юридической практики. – 2011. – № 3. – С. 43-45.
4. Савельев Ю.М. О понятии юридической ответственности / Ю.М. Савельев // Юридические исследования. – 2015. – № 10. – С. 61 - 80.
5. Провалинский Д.И., Титанова Э.А. Юридическая ответственность военнослужащих: понятие, особенности и виды / Д.И. Провалинский, Э.А. Титанова // Эпоха науки. – 2019. – №20. – С.273-276.
6. Станкин А.Н. Позитивная юридическая ответственность и юридическая безответственность в сфере обеспечения военной безопасности / А.Н. Станкин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2021. – №3 (57). – С.24-31.
7. Матузов Н.И. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрист, 2007. – 768 с.
8. Скакун О.Ф. Теория государства и права: Учебник / О.Ф. Скакун. — Харьков: Консум; Ун-т внутр. дел, 2000. — 704 с.
9. О статусе военнослужащих: Закон Донецкой Народной Республики от 19.03.2015 № 09-ІНС (ред. от 24.12.2018 г.) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – URL: <https://dnrsovet.su/ru/>. (дата обращения: 07.06.2022).
10. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики: Закон ДНР от 19.08.2014 № ВС 28-1 (ред. от 20.09.2022 г.) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – URL: <https://dnrsovet.su/ru/>. (дата обращения: 07.06.2022).

УДК 340.12:355.01

ВОЙНА И ОБЩЕСТВЕННЫЙ НИГИЛИЗМ КАК ВЫЗОВ ПРАВУ

Степанова Юлия Сергеевна

старший преподаватель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

E-mail: yu.stepanova@donnu.ru

Осташевская Владислава Олеговна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

E-mail: ostashevskaslava@yandex.com

***Аннотация.** Война как сложный опыт в истории человечества поднимает волну общественного нигилизма. Основная категория, подверженная разрушению в подобно рода ситуациях – ценности. Право же, охватывающее своей идее обеспечение ценностей, оказывается у двух расколов: как общественного, так и правового нигилизма. В статье анализируется что видоизменяется в праве в условиях войны и каково должно быть отношение к нему ввиду тех задач, что ставятся перед ним как в настоящем, так и в будущем, после получения опыта.*

***Ключевые слова:** общественный нигилизм, правовой нигилизм, мир как ценность, аксиология права, идея права.*

Ключевое звено истории составляют опыты кризисных ситуаций, которые предназначены для того, чтобы над ними производили оценку и выводили из них обновлённые взгляды – ценности. Но уроки истории очень редко воплощаются в жизни, а если и воплощаются, то время безжалостно стирает память о них. Вновь и вновь человечество оказывается у порога новых трудностей. Война есть самый сложный опыт для человечества. Привычный мир разрушается и там, где ценности-истины не находят своей практической реализации, воздвигается нигилизм, который постепенно охватывает весь народ в тягостное осознание пустоты.

А.В. Скоморохов видит проблематику морального нигилизма сопряженной с проблематикой универсальности. Он указывает следующие взаимосвязи проблем универсальности и нигилизма:

– необходимость переоценки ценностей возникает в свете некоторой проблемной ситуации, в отношении которой прежняя «универсальная» мораль уже не способна выполнить регулятивную функцию (например, когда должно

«солгать во спасение» вопреки «универсальной» – в границах определенного жизненного мира – норме «не лги»);

– возможность переоценки ценностей коренится в противоречии между чистой идеей долга (универсальным принципом разума) и представлениями о должном (продуктом эмпирической реальности). Поскольку нормы принимают облик универсальных через сопряжение с универсальной идеей долга, они в любой момент могут быть отсоединены от неё и тем самым разоблачены как не универсальные;

– механизмом переоценки ценностей выступает процедура тестирования максим поступков на универсальность при её рефлексивном (критическом) прочтении;

– результатом переоценки ценностей выступает переопределение долга. При этом универсальная идея долга всегда торжествует [4].

Война и нигилизм оказывают давление на право, которое, являясь важным общественным институтом, переходит на военные рельсы. Общество оказывается в ситуации, где то, что ещё вчера благодаря действию правовых норм было под прочной защитой его силы, сегодня терпит поражение. Это весьма животрепещущий вопрос в период войны. Сегодня ценности укоренились в форме права на плацдарме общественной жизни, именно праву приписывается задача обеспечивать общезначимые ценности. Ценностное суждение о праве образуется из соответствия этих ценностей действительности и их практического выражения, что оценивается сквозь призму аксиологии. В свою очередь, аксиология права демонстрирует уровень доверия к праву. А так как право есть компромисс и первый обеспечитель мира в обществе, негативное отношение к нему, игнорирование его норм приведёт к плохим последствиям, возможно, даже необратимым и регрессивным.

Таким образом, право стоит у двух расколов: нигилизма общественного и нигилизма правового. Сущность правового нигилизма в общем виде можно определить, как негативное, а то и агрессивное отношение к праву, законам,

нормативному порядку вообще. Правовой нигилизм сопряжён со стойким предубеждением и отрицанием высокого предназначения права, его социальной ценности и гуманистического потенциала. Если нигилизм в самом общем виде есть отторжение и неприятие общественно значимых ценностей, норм, идеалов, то правовой нигилизм концентрированно отрицает правовые ценности свободы, равенства и справедливости, общего блага, противопоставляя им субъективные (личные или групповые) представления («понятия») о должном поведении человека[1].

Военное время требует терпеливого понимания причин тех лишений, что выпадают на судьбу военной жизни. Изменение права в условиях войны – это лишение, которое нужно принять. Право, с точки зрения аксиологии, представляет собой симбиоз силы ценностей и силы страха наказания, осуществляемый в целях обеспечения идей об идеальности мира. В своё время Г. Радбрух сводил идею права только лишь к справедливости, а после определил её как три несводимых друг к другу ипостаси: справедливости, целесообразности и правовой стабильности. Он пишет: «Итак, три элемента идеи права: справедливость, целесообразность и стабильность права вместе «правят» правом, хотя могут вступать в острые противоречия между собой. В различные эпохи приоритет отдавался различным из них» [3, с. 91]. В целом идеи не требуют своей унификации, каждая из них выполняет свои цели на каждом конкретном этапе человеческой истории. Так называемая, общенациональная идея также строится на многообразии и не может быть сведена к одному единственному понятию.

Право под воздействием военного элемента продолжает выполнять свои функции, но с некоторыми оговорками, одной из которых выступает строгое выделение одной высшей идеи-идеала (что не позволительно, но за войной всегда остаётся право вести себя анархично). Так, у одной из сторон конфликта в качестве идеала будет выступать мир, а у другой стороны (возможно даже и у всех сторон) – другая ценность, которая становится выше мирного урегулирования конфликта. Здесь правовая реальность оказывается

сжатой рамками закона, где вынуждена нарушать все свои ценности ради одной, высшей ценности, что, безусловно, противоречит и идее права, и его сущности в целом. Данный пример вновь возвращает к пониманию неизбежности потери доверия к праву.

Основная причина правового нигилизма, по мнению автора данной статьи, состоит в несоответствии закреплённых в праве ценностей (или их конкретизации) не только правовой, но и общественной действительности. Д.Я. Малешин отмечает, что причиной правового нигилизма в России является несоответствие правовых норм социокультурному типу российского общества. Причём такое несоответствие наблюдается практически во все исторические периоды: правовые нормы не соответствовали общественным нравственным устоям [2, с. 146]. Ю.Г. Ершов пишет: «Так, господство юридического позитивизма («право – это закон») и законодательство, построенное на «праве силы», неизбежно ведут к утрате законом правового содержания, не воспринимаются как средство защиты прав и интересов граждан, не стимулируют соблюдение и уважение нормативного порядка»[1].

Противостоянием *de jure* и *de facto* как в области юриспруденции, так и вне её области действия, обретает очертания сформировавшегося нигилизма. Преодоление последнего будет возможно тогда, когда граница между идеальным и реальным будет сведена до минимума. Для этого необходимо провести «правильную» переработку опыта, когда из него извлекаются уроки и выводятся ценности из действительности, то есть ценности *a posteriori*.

Однако для того, чтобы право сохранилось для будущей борьбы с общественным нигилизмом, необходимы ниточки доверия. Апеллируя к мысли, что ценности создают для человека экзистенцию, служат ему идеалом, можно отметить их исключительную и непреодолимую роль. Поэтому кроме терпеливого понимания изменения права в условиях войны, необходима вера в него, поскольку, не смотря ни на что, в правовом ядре всегда сохраняются те общезначимые ценности, способные в любой миг найти компромисс и обеспечить добро. Так, ценность мира в праве не теряет своей актуальности с

приходом разбитой снарядами реальности и не лишиться её после своего наступления. Философия права в данном случае такова: если не удалось сохранить состояние мира, то необходимо стремиться к тому, чтобы он был вновь достигнут. Это остаётся важным напоминаям даже тогда, когда праву задали одну идею, не сочетаемую с миром. Нельзя забывать о том, что право всегда способно выполнить функцию мирителя, ведь любая война заканчивается миром, закрепление которого возможно благодаря дипломатии и юридическим процедурам. В истории немало тому примеров, начиная с Египетско-Хеттского мирного договора заканчивая Версальским мирным договором, который положил конец Первой мировой войне, Актом о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил в завершении Великой Отечественной войны. Любое воцарение права сильного рано или поздно завершается сменой власти в пользу силы права. Иного выхода человечество пока не изобрело.

В заключении стоит отметить, что право в условиях нестабильности воздвигает себе в цель зафиксировать ценности, выведенные из опыта, конкретизировать их и согласно им служить обществу на благо новых идеалов. Важно вовремя произвести опыт страшных событий в жизни государства, сохранить полученные ценности и тем самым оставить в истории не просто след кровавых событий, а след, помогающий потомкам не отходить от тех идеалов, за которые боролись их предки. Ценности в праве должны быть конкретизированы и получить своё толкование в рамках права; там, где это требуется, необходимо установить приоритетность ценностей по отношению друг к другу.

Список источников:

1. Ершов, Ю.Г. Правовой нигилизм: причины и последствия / Ю.Г. Ершов // Социум и власть. 2014. №3 (47). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-nigilizm-prichiny-i-posledstviya>. (дата обращения: 26.11.2022).
2. Малешин, Д. Я. Причины правового нигилизма в России / Д. Я. Малешин // Закон. – 2009. – № 1. – С. 144-152. – EDN LTXCDL.
3. Философия права / Густав Радбрух; Пер. с нем. Ю. М. Юмашева. – Москва: Междунар. отношения, 2004. – 238 с.
4. Скоморохов, А.В. Моральная универсальность и моральный нигилизм: о смыслах современной переоценки ценностей / А.В. Скоморохов // Этическая мысль. 2020.

№2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moralnaya-universalnost-i-moralnyy-nigilizm-o-smyslah-sovremennoy-pereotsenki-tsennostey>. (дата обращения: 26.11.2022).

УДК 340

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ткаченко Михаил Михайлович

методист кафедры

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

E-mail: mike.tkachenko1.8@gmail.com

Аннотация. В статье исследовано понятие «правосознание», цели и особенности правосознания. Проведен историографический анализ формирования правосознания и правовой культуры населения во время Гражданской войны и Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: правосознание, правовая культура, война, вооруженный конфликт, правовой нигилизм.

Особой важностью в отношении стабильного и эффективного функционирования общества наделено формирование правосознания и правовой культуры во время кризисных для страны ситуаций – периодов войн и вооруженных конфликтов. Так, в эти значимые для истории моменты, особую роль играет формирование позитивного правосознания населения. Речь идет об определенной ценностной системе и системе знаний, которые выражают отношение к существующему праву, а также закрепленным на законодательном уровне требованиям и предписаниям. Необходимость формирования правосознания и правовой культуры продиктована их непосредственным влиянием на повышение уровня военной безопасности в случае, если они будут положительно усвоены и воплотятся в практической деятельности населения территории, в пределах которой идут военные действия.

Вопросу исследования и анализа понятия «правосознание» посвящены труды ряда отечественных и зарубежных авторов. Наиболее существенный вклад в раскрытие содержания правосознания был внесен русским философом, ученым-правоведом И.А. Ильиным в труде «О сущности правосознания».

И.А. Ильин сформулировал понятие правосознания, раскрыл основы государства и права в виде аксиом правосознания. Также мыслитель исследовал особенности и специфику формирования правосознания граждан, которые находятся в условиях военного конфликта [1, с. 99].

Вместе с тем, многогранность проблем формирования правосознания и правовой культуры требует дальнейших углублённых исследований в этой сфере, что и предопределило выбор темы, цель работы.

Цель исследования заключается в рассмотрении понятия «правосознание», определении целей и особенностей правосознания населения, анализе исторического опыта формирования правового сознания населения в период Гражданской войны и Великой отечественной войны.

Правосознание, по И.А. Ильину, является основой правовой жизни общества, потому как правовое сознание – это воля человека к соблюдению права и закона, воля к лояльности своего поведения, воля к законопослушанию [2]. В условиях войны и вооруженных конфликтов формирование такой воли у населения (т.е. правовое воспитание) выходит на первый план. Осуществление правового воспитания государством подразумевает влияние на сознание, чувства и психологию населения с целью установления глубоких и устойчивых правовых представлений, системы ценностей, а также развития более высокого уровня правовой культуры.

Первостепенная задача формирования правосознания – это достижение полного соблюдения законов. Но имеются и другие задачи – трансформация правовых знаний в личные убеждения, утверждение умения отстаивать и защищать права, укрепление законности и правопорядка на всех уровнях.

С целью анализа формирования правосознания и правовой культуры в кризисные периоды обратимся к истории и рассмотрим время Гражданской войны и Великой Отечественной войны.

Итак, в реалиях революционного нигилизма после прихода к власти большевиков имела место дестабилизация общества, уничтожение институциональных механизмов правовой культуры, бытовые трудности. Таким образом общественное сознание было избавлено от традиционных норм. Произошел кризис ментальной легитимности власти [3, с. 20-24].

Вместе с завершением Гражданской войны возникла необходимость переосмысления положений «революционной законности» и революционного правосознания. Актуальное правовое сознание должно было скомпенсировать имеющиеся пробелы в законодательства. Тем не менее, на советскую законодательную и правоохранительную системы падала тень революционного времени – они быстро ужесточались, что мешало возвращению позитивного правосознания у населения.

Так, еще в предвоенный год были запущены меры ужесточения рабочего режима. В качестве примера можно привести Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий» [4, с. 536]. При этом торжеству Советской Армии сопутствовал патриотический подъем, который пронизывал советский тыл. Население было включено в работу в крайне тяжелых условиях ради победы.

В период Великой Отечественной войны был организован специальный социальный контроль, введены жесткие меры по противоправному поведению. Имел место подход к наказанию людей вне зависимости от действительной виновности, что говорит о масштабировании репрессивного аппарата, а также об ограниченных вариантах выбора поведения.

Политический террор получил развитие в предвоенные и военные годы. Вносились изменения в уголовное и гражданское право, что зачастую

наносило вред общественному порядку, что, в свою очередь, являлось корнем неуважения и неприязни населения в отношении закона и законопослушного поведения.

Конформизм стал способом адаптации к имеющемуся социальному порядку, а утверждение позитивного правосознания затрудняло девиантное поведение управленцев – целью работы чиновников становился не ее результат, а процесс. Такие ценности, как гуманизм и сострадание были недопустимы, новые нормы жизни подкреплялись лишь силой государственных институтов. Соответственно, народу было трудно усвоить их, как часть общественного сознания, что стало причиной снижения уровня социальных ожиданий и потребностей. Народ стал заложником удовлетворения своих базовых потребностей, за чем последовало падение норм общения, массовое хулиганство, ужесточение преступлений. «Преступность в ее массе, в статике и динамике всегда была лишь неодинаковым по яркости отражением состояния всего общественного уклада. Особенности этого строя никогда не переставали повелительно определять характер и размер преступности» [5, с. 435].

В обществе закон рассматривался в качестве запрещающей функции, а не справедливости, которая постепенно становилась оппозицией власти. Так, девиантное поведение являлось некой адаптацией к внешним условиям, сопротивлением по отношению к ситуации, характерной психологической защитой от травмирующего опыта (войны).

Вопреки вышеизложенным негативным направлениям в правосознании и правовой культуре, взаимосвязь между победой советского народа в Великой Отечественной войне и силой национального духа однозначна, так как без духа и воли победа попросту невозможна. Так, девизом жизни и труда народа слова «Все для фронта! Все для победы!» были с первого дня военных действий.

Определяя ценность правосознания и правовой культуры советского населения в военный период и сравнивая их с современными, нельзя не

учитывать особенности общества в кризисной исторической обстановке. Нестабильная ситуация в государстве, напрямую связанная с военными действиями, крайне негативно сказывается на правосознании населения. С целью недопущения повсеместного распространения правового нигилизма, государство обязано взять под свой контроль формирование правосознания и правовой культуры для нормального функционирования механизмов реализации права в обществе.

Моральные трудности населения в годы Гражданской и Великой Отечественной войн как никогда актуальны сегодня в связи с нынешними вооруженными конфликтами, в реалиях которых степень глубины правосознания и правовой культуры населения утверждаются в роли важных слагаемых победы. Тем не менее, обращаясь к вышеизложенному историческому опыту, следует помнить о немаловажном значении прицельной деятельности органов государственной власти, местного самоуправления и военного управления в области работы с правосознанием и правовой культурой общества, так как правовой нигилизм может отсрочивать победу над общим врагом народа.

Список источников:

1. Ильин И. А. О сущности правосознания / Подготовка текста и вступ. статья И.Н. Смирнова. – М.: «Рарогъ», 1993. – 249 с.
2. Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. В.А. Томсинова. – Изд. 2-е. – М.: «Зерцало», 2008. – 550 с.
3. Абдурахманова И.В. Рефлексия «революционной законности» в массовом правосознании 1917-1921 гг. // Философия права. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России. – 2008. – № 3. – С. 20-24.
4. Бочкова В.М. Справочник районного прокурора / Под ред. В.М. Бочкова. – М: Юриздат, 1942. – 736 с.
5. Избранные произведения / Гернет М.Н.; Сост.: Бабаев М.М.; Отв. ред.: Сахаров А.Б. – М.: Юрид. лит., 1974. – 639 с.

УДК: 342.15

СУЩНОСТЬ НАЦИСТСКОГО ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА НА ДОНБАССЕ.

Чамлай Виталий Валентинович

кандидат юридических наук

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк

e-mail: valentinovich-v@mail.ru

***Аннотация:** в материалах статьи раскрываются особенности оккупационного режима в годы Великой Отечественной войны. Кроме того, предпринята попытка проанализировать причины провала «нового порядка» гитлеровской Германии в промышленном регионе. Также рассматриваются вопросы внедрения трудовой политики в отношении жителей Донбасса.*

***Ключевые слова:** нацисты, война, оккупация, промышленность, принудительный труд, Донбасс, гражданское население.*

Территория Донецкой Народной Республики представляет собой индустриальный регион с развитой промышленностью. Современная столица Донецкой Народной Республики – г. Донецк (ранее до 1961г. – г. Сталино), на сегодняшний день, как и раньше является важнейшим стратегическим городом. Актуальность данной темы до сих пор высока, так как жители Донбасса – это крепкий народ, закаленный в трудовых и военных подвигах, готовый противостоять националистическим настроениям врага сегодня также, как и в годы Великой Отечественной войны.

Проблематика связанная событиями Великой Отечественной войны нашла отображение в работах ряда отечественных ученых: Б. Колесникова, Л. Суюсанова, В. Успенского, П. Доброва, занимающихся исследованием на протяжении многих лет.

Цель исследования заключается в раскрытии сущности оккупационного режима на Донбассе в годы Великой Отечественной войны.

В начале военных событий 1941 года стремление А. Гитлера молниеносно захватить г. Сталино имело как стратегический, так и идеологический характер. Первая авиабомба упала на проспект Лагутенко уже 31 августа 1941 года. А через месяц город испытал на себе мощь 6-ой

немецкой армии общей численностью 250 000 человек и танковой группы генерал-полковника фон Клейста [1].

С 21 октября 1941 года г. Сталино перешёл в руки немецких захватчиков, его территория была включена в военную зону и подчинена непосредственно командованию немецкой армии. Новое командование составило четкий план восстановления города, кроме того, был введен комендантский час с 19.00 до 5 утра, перемещение по улицам запрещалось, а руководство в городе переходило в компетенцию гестапо, основным зданием которого стала территория нынешней гостиницы «Донбасс Палас».

Под руководством гестапо действовали четыре комендатуры, две айнзатцгруппы, выполняющие карательные функции, а также подразделения жандармерии. На оккупированных территориях вступал в действие «новый порядок», характерный оккупированным территориям. Необходимость преобразования общественной жизни на оккупированных территориях была обусловлена потребностью немецкой промышленности в восстановлении каменноугольных копей Донбасса.

Угольная промышленность региона приобретала стратегическое значение в период наступательной операции Германии, требовавшей постоянной добычи угля. 22 октября 1941 года на площади Ленина был организован митинг, где коллаборационисты из местного населения, преимущественно в лице бывших купцов, белогвардейцев и церковных деятелей, репрессированных большевиками, приветствовали новую власть. В результате организации «съездов волостных и уездных бургомистров» была создана разветвленная система административных учреждений с новыми руководителями, утвержденными немецкими комендантами [3].

Кроме немецких вооруженных сил, территории Донбасса были оккупированы представителями марионеточной Румынии и Италии. Захватчики Армии «Юг» вернули городу довоенное название «Юзовка» и переименовали ряд улиц. Важно отметить, что представители Юзовской городской управы отличались более жестокими антисоветскими

настроениями, чем представители иных оккупированных территорий. Следует обратить внимание, что в процессе оккупации была создана биржа труда, на которой велся учет трудоспособного населения. Особое значение оккупационные власти уделяли вопросам, связанным с организацией трудовых резервов на территории Донбасса.

Процесс привлечения рабочих в условиях оккупации представлял собой совокупность использования, как советских методов, так и новых, внедренных оккупационной властью. Использование стахановских методов повышения производительности труда утратило свою актуальность в условиях оккупации, и даже доска так называемого почета и премирование не меняло общую обстановку, так как население Донбасса не желало мириться с сложившейся ситуацией. Организацией добычи угля и горно-металлургической промышленности занимался экономический штаб «Восток» с подчиненной ему экономической инспекцией «Юг». Общество «Восток» максимально задействовало на шахтах оккупированных территорий трудовой потенциал различных категорий населения, в том числе и неквалифицированных рабочих, о жертвах которых в процессе производства умалчивалось даже в оккупационной прессе. Руководителем горно-металлургического общества «Остлэнд» (Восток) был назначен генеральный директор акционерного общества «Райхсверке АГ» и председатель президиума Имперского объединения угля Пауль Пляйгер. Данная восстановительная кампания курировалась вторым человеком страны, экономическим руководителем Третьего рейха Германом Герингом.

Поначалу руководящим органам оккупированных территорий не удавалось наладить угольную промышленность, так как при отступлении Красной Армии была ликвидирована большая часть шахт, восстановление которых потребовало масштабных ремонтных работ. С этой целью горно-металлургическое общество «Остлэнд» направило машины и приборы на сумму более 25000000 немецких марок и 1800 специалистов в качестве инструкторов, преимущественно из Рурского бассейна [4].

Необходимость обеспечения бесперебойного снабжения войск из местных ресурсов предусматривала всеобщую трудовую повинность для всех жителей Донбасса в возрасте с 18 до 45 лет, а для евреев – с 14 до 60 лет. Параллельно с этим, оккупантами осуществлялся «план внедрения голода», позволявший отсеять бесполезные для рейха неработающие категории населения. Оккупанты жестко практиковали утверждение: «Кто не работает – тот не ест». Работа доставалась в большей мере женской части населения в виде уборки, стирки, кормления оккупационных частей. Для мужской части населения вводился аналог советского стахановского движения, как способ стимулирования увеличения производительности труда. Несмотря на то, что шахтеры имели свободу передвижения по установленным удостоверениям, положение рабочих оставалось крайне тяжелым. Смертность среди трудящихся угольной промышленности была очень высокой из-за истощенности рабочих, отсутствия безопасности труда, нехватки одежды и инвентаря. Использование труда советских военнопленных на шахтах к 1942 году достигло 60 000 человек. Вопросы реализации использования рабочей силы возлагались на немецкие полевые комендатуры, подчиненные верховному командованию Вермахта.

В целом, на начальном этапе оккупационная политика основывалась на опыте известной во всем мире сталинской командной экономики, допускающей постоянное нахождение населения в чрезвычайном положении. Данный опыт был взят на вооружение немецкими специалистами, однако не стал эффективным. Следует отметить, что немецкий прагматизм позволил выделить из общей массы квалифицированных работников, и гарантировать им относительную стабильность. Вводились даже символические зарплаты для рабочих, которые вместе с мизерным трудовым пайком позволяли обеспечить жалкое существование населения. При этом немецкий оккупационный режим выдвигал идею поддержания авторитета и значимости профессии шахтера. За время немецкого господства шахтеры получили важный профессиональный опыт в развитии угольной промышленности, была

налажена связь между рядовыми шахтерами и инженерно-руководящим составом, что изменило сущность производственных отношений. Кроме того, значительно возросло использование женского труда. В период немецкой оккупации 1941-1943 гг. ввиду высокой смертности мужчин, в тяжелых профессиях связанных с горнодобывающей промышленностью все чаще использовался труд женщин до 30% от общего числа рабочих, хотя в самой Германии данная профессия была исключительно мужской. Работа в угольной промышленности была крайне тяжелой, формально установленный 10-и часовой рабочий день фактически становился не нормированным, рабочие трудились по 12-15 часов в сутки и не имели права покидать рабочее место [5, с. 294].

Оккупационные органы экономического управления для обеспечения растущей потребности в рабочей силе прибегали к принудительным мерам. Согласно «Общих основ экономической политики в оккупированных восточных областях» от 08.11.1941 г. указывалось, что обеспечение трудовых категорий населения не должно способствовать общему повышению уровня жизни в регионе [5, с. 71].

Подземные рабочие получали в место оплаты мизерные трудовые пайки, из расчета 260 грамм хлеба, 7 грамм масла, 10 грамм мяса и 20 грамм крупы. Причем, хлеб абсолютно не соответствовал нормам выпечки, а представлял собой смесь низкокачественной пшеницы с опилками. Технология выпечки такого «хлебного пайка» была утверждена министерством продовольствия Германии в документе «О питании советских военнопленных и гражданских работников» от ноября 1941 г. В документе указывалось, что Советский Союз не присоединился к соглашению от 27.07.1929 г. относительно обращения с военнопленными, что указывает на отсутствие необходимости предоставления соответствующего снабжения данным категориям, как по качеству, так и по количеству [6]. Истощенные физически рабочие не могли эффективно восстанавливать угольную промышленность в регионе. К началу 1942 г. положение с продовольственным обеспечением было настолько плохим, что

рабочие отдельных шахтерских поселков начали пухнуть от голода, появляясь на работе силой принуждения. Установить число погибших от истощения людей не представляется возможным, но из сохранившихся данных известно, что в лагере № 312 п. Ханженково и шахты им. Кагановича г. Макеевки в день погибало 30-40 рабочих [7, с. 14]. Аналогичная ситуация была во многих шахтерских городах и поселках. В этих обстоятельствах добыча угля и процесс восстановления шахт в целом оставался на крайне низком уровне. Попытка стабилизировать ситуацию принудительными мерами, в виде облав, телесных наказаний, заключение на срок до 14 дней, устраиваемых украинскими полицаями не давал должного эффекта. Условия были настолько невыносимыми, что для многих местных жителей более приемлемой казалась депортация на работы в Германию, чем голодная смерть на Донбассе.

В соответствии с продовольственными нормами 1941 г., шахтеры Донбасса, занятые на тяжелых работах, получал продовольственное обеспечение меньше, вполнину меньше чем средний остарбайтер в Германии. Учитывая выше указанные факты, горно-металлургическое общество «Остлэнд» ставило вопрос о пересмотре обеспечения работников, трудящихся на оккупированной территории.

Кроме того, затяжные военные действия требовали не только пополнения армии, но и новых квалифицированных работников в промышленности самой Германии. Согласно докладу вице-президента Рейхсбанка Рудольфа Бринкманна, уже к 1941 г. Германия столкнулась с нехваткой рабочих рук, что было недопустимо в условиях реализации программы форсированной милитаризации и блиц-крига [2].

Поэтому в январе 1942 г. в Юзовку прибыла специальная комиссия, по организации вербовки специалистов для промышленных предприятий Германии. По сведениям «Донецкого вестника» в феврале 1942 г. на предприятия Дортмунда, Бохума, Вестфалии записалось более 6000 рабочих [8]. Об использовании труда жителей Донбасса свидетельствуют сведения «Донецкого вестника» от 17.03.1943 г. в статье «Забота о шахтерах Донбасса».

Материалы указывают на работу жителя Григоровича, уроженца г. Мариуполь в шахте г. Бохум. По его словам недельный паек включал различный моцион и двухразовое питание на предприятии, что свидетельствует о лучшем положении рабочих, чем на оккупированной территории [9, с. 35].

Кроме того, П. Пляйгер добился, что 1 июля 1942 г. Гитлер подписал приказ, в котором назвал быстрое восстановление добычи угля в Донецком бассейне «одним из приоритетных направлений для продолжения операции на Востоке и использования русского пространства для немецкой военной экономики». Обеспечение шахтеров улучшенным питанием было в перечне мероприятий, определенным этим приказом. Данные мероприятия позитивно повлияли на развитие промышленности на оккупированных территориях. Кроме того разрешались рыночные отношения, которые в виду дефицита денежных знаков представляли собой бартерные отношения, построенные на обмене. Безусловно, цены на черном рынке в виду инфляции оставались очень высокими. Несмотря на натуральный обмен между жителями сельских местностей и города, дефицит продуктов был очень высоким. Кроме того, согласно приказа Юзовского городского управления, от 24.07.1942 г. торговля яйцами, медом, яблоками, картофелем, молоком запрещалась. Указывалось, что запрет действует на протяжении обеспечения поставок данными продуктами в городе. В случае нарушения приказа товары конфисковались, а нарушитель облагался штрафом [10].

В целом уровень зарплат по отношению к ценам на товары был таковым: зарплата шахтера в июле 1943 г. составляет 347 рублей (35 рейхсмарок), при этом ориентировочные цены на черном рынке 1 кг хлеба стоил 75 руб., 1 кг картофеля – 40 руб., 1 кг масла – 500 руб., 1 кг сала – 800 руб., 10 яиц – 120 руб., зимняя шапка – 700 руб., пара сапог – 4000 руб. [9]. Исходя из этого покупательная способность людей оставалась крайне низкой, как и заинтересованность работать на оккупационные власти.

Подытожив, можно с уверенностью утверждать, что немецкая политика трудоустройства, направленная на «сохранение и преумножение рабочей

силы», была обречена на провал. Даже сдельная оплата труда и премирование по результатам производства не позволили решить поставленные перед Германией задачи по восстановлению потенциала угольных регионов Донбасса. Прежде всего, ошибочное отношение к работникам и создание нечеловеческих условий труда не повышало общего авторитета новой власти и сеяло вражду к новому режиму.

Идеологическая работа Третьего рейха на оккупированных территориях позволила наладить издательство печатных изданий. На Донбассе существовало сразу несколько газет. Издание «Донецкий вестник» выпускалось на протяжении всего периода оккупации, номер увидел свет 207 раз, с периодичностью дважды в неделю, а после 1943 г. – четырежды. Данная идеологическая работа частично позволила восстановить промышленность региона и привлечь к сотрудничеству не одну сотню специалистов. Но события, связанные с разгромными поражениями немецких войск, сыграли решающее значение в изменении отношений к оккупационным властям. Чем больше Германия терпела неудачи на фронтах, тем очевиднее был тот факт, что оккупация временная, и те лишения и трудности, которые имели место быть, тоже временны. Параллельно с этим, после 1942 г. активизировалось партизанское движение, которое помогло переломить ход событий на Донбассе в 1943 г., и освободить регион от оккупантов.

Подытожив, отметим, что судьба региона в условиях нацистского оккупационного режима стремилась сделать его источником трудовых ресурсов для гитлеровской Германии. Максимально используя потенциал региона гитлеровцы видели в нас прежде всего стратегический объект для дальнейшего продолжения военной кампании. К сожалению и сегодня наш регион является неким анклавом между проамериканской Украиной и Российской Федерацией. Жители Донбасса, вновь и вновь готовы совершать подвиг в новом этапе борьбы с проявлениями фашизма и геноцида, находясь уже не первый год в состоянии гражданской войны. Хочется верить, что наш нестигаемый трудовой регион сможет отстаивать собственные права и добиться

заслуженной Победы в столь длительном противостоянии и воссоздать мирную жизнь на наших территориях.

Список источников:

1. День освобождения Донбасса: Цена свободы нашей Родины [Электронный ресурс] / Сайт Министерства культуры Донецкой Народной Республики. – URL: <http://mincult.govdnr.ru/news/den-osvobozhdeniya-donbassa-cena-svobody-nashey-rodiny>. (дата обращения 30.04.2021 г.).
2. Угон граждан СССР на работу в Германию [Электронный ресурс] / Сайт Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Угон_граждан_СССР_на_работу_в_Германию. (дата обращения 30.04.2021 г.).
3. Б. Ковалев Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941-1944. [Электронный ресурс] / Сайт военной литературы. – URL: http://militera.lib.ru/research/kovalev_bn02/kovalev_bn02.html. (дата обращения 30.04.2021 г.).
4. Донбасс в период немецкой оккупации и при Сталине [Электронный ресурс] / Сайт Украина Криминальная. – URL: <https://cripo.com.ua/stories/?p=193810/>. (дата обращения 30.04.2021).
5. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941 –1944 гг.) /Сост.: Заставенко Г. Ф. (рук.) и др.; под общ. ред. Е. А. Болтина и Г. А. Белова. – 3-е изд. – М.: Экономика, 1985.—328 с.
6. Веремеев Ю. Нормы питания советских военнопленных в 1941 году / Сайт Анатолия армии. – URL: <http://army.armor.kiev.ua/hist/paek-sov-plennyx.shtml>. (дата обращения: 30.04.2021).
7. Государственный архив Донецкой области. – Ф.р.1838, оп 1, д.7, л.43.
8. Бакалов Д. Остарбайтеры Донбасса / URL: <http://old.memo.ru/library/books/korni/chapter13.htm>. (дата обращения: 30.04.2021).
9. Государственный архив Донецкой области. – Ф.р. 5000, оп 1, д.1, л.19-35.
10. Добров П.В. Шахтарі України в роки Другої світової війни (1939 - 1945 рр.) : монографія / П.В. Добров, Л.І. Суюсанов; Донец. нац. ун-т. – Донецьк: Норд-Прес, 2009. – 200 с.
11. Государственный архив Донецкой области. – Ф.р. 1622, оп. 1, д. 1, л. 24.

УДК 34.01

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА

Щербинина Елена Владимировна

кандидат исторических наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: sherbinina@donnu.ru

Присяжный Владимир Сергеевич

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: prisyaagniy@mail.ru

***Аннотация:** Статья посвящена проблеме механизма преодоления правового нигилизма, рассмотрены комплексы мероприятий по его устранению.*

***Ключевые слова:** правовое воспитание, правовой нигилизм, правовое образование, правовой механизм, преодоление правового нигилизма.*

Массовое распространение в наши дни деструктивных явлений социальной действительности, предпосылками которых являются различные формы деформации правосознания и, в частности правовой нигилизм, вызывает необходимость комплексного подхода к решению проблемы. Иными словами, пути преодоления этих негативных явлений должны носить комплексный характер, а именно осуществляться не только в правовой, но и в других сферах (экономической, социальной, политической, культурной, организационной и т.д.). Учитывая это, считаем уместным говорить не только о мерах противодействия и преодоления правового нигилизма, а о необходимости разработки действенного и эффективного механизма преодоления этого негативного социально-юридического явления.

Изучением правового воспитания занимались такие известные ученые, как А.Д. Бойков, В.М. Каминская, В.Н. Кудрявцев, А.В. Мицкевич, Е.В. Певцова, И.Ф. Рябко, В.В. Тищенко и другими. Вклад в исследование ценностно-правовой проблематики внесли С.С. Алексеев, В.М. Баранов, Н.В. Витрук, В.С. Нерсисянц и другие ученые – юристы. Некоторые вопросы возникновения и развития правового нигилизма в своих работах

рассматривали Н.С. Бондарь, Б.В. Васильева, Н.А. Власенко, И.А. Карташов, Д.А. Керимов, В.В. Лазарев, М.Н. Марченко, Т.Н. Радько, Ю.Н. Стариков, Н.Н. Тарасов, А.Ф. Черданцев и другие.

Цель исследования – изучить организационно-правовой механизм преодоления правового нигилизма, рассмотреть комплексы мероприятий по его устранению.

Анализ работ отечественных и зарубежных ученых, исследовавших правовой нигилизм, показал, что в них в основном сосредоточено внимание на отдельных аспектах преодоления правового нигилизма.

Так, по мнению ученого А.В. Волошенюк, в его работе «Правовой нигилизм в постсоветском обществе» [1, с. 190] механизм преодоления правового нигилизма должен включать три комплексные блоки мероприятий:

- 1) комплекс специально-юридических мер, направленных на формирование качественно новой, эффективной правовой системы;
- 2) комплекс общесоциальных мер, направленных на качественное изменение объективных условий жизни общества, на формирование новой социальной среде;
- 3) комплекс воспитательных мероприятий, направленных на исправление деформации правосознания и уровня правовой культуры населения.

Вместе с тем, отметим, что в юридической литературе определение понятия «механизм преодоления правового нигилизма» не является разработанным. Кроме того, массовое распространение различных форм проявлений правового нигилизма не вызывает сомнений о необходимости разработки более эффективного и действенного механизма преодоления изучаемого явления.

Обращаясь к необходимости теоретического обоснования сущности механизма преодоления правового нигилизма, следует исходить из того, что составляет содержание понятия «механизм». В «Толковом словаре» под

механизмом понимается внутреннее строение, система чего-либо. В свою очередь, система (от греч. «соединение») – это совокупность закономерно связанных друг с другом элементов, представляющих собой определенное целостное образование, единство [2, с. 624].

В теории права понятие «система» связано с системным подходом (методом), который направлен на раскрытие целостности объекта, на выявление многообразных типов связей в нем [3, 126]. Так, Д.А. Керимов указывает, что системный подход позволяет выявить внутренний механизм не только действия отдельных компонентов целого, но и их взаимодействие на разных уровнях. Тем самым открываются перспективы выявления организационной «многоуровневой» системы, глубокого диалектического связи и взаимозависимости субстанциально-содержательных частей, структур и функционирования явления. Ученый определяет систему права как объективное объединение по содержательным признакам определенных правовых частей в структурно-упорядоченную целостное единство, имеющее относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования [4, с. 56].

Из приведенных определений приходим к выводу, что каждый механизм представляет собой систему, а любая система состоит из определенных элементов, то есть имеет свою структуру. Последняя представляет собой расположение и связь составных частей чего-либо [5, с. 69]. Следует отметить, что именно структура является одной из определяющих характеристик, с помощью которой можно выяснить сущность (содержание) того или иного явления (в нашем случае – механизма преодоления правового нигилизма).

Изложенное свидетельствует о том, что для выяснения сущности понятия механизма преодоления правового нигилизма и его системы необходимо определение структуры такого механизма.

Под правовыми мерами преодоления правового нигилизма понимаем совокупность правовых средств и способов, направленных на удовлетворение потребностей граждан в получении знаний о праве, совершенствование

правового образования с целью повышения уровня их правосознания и правовой культуры.

Что касается организационных мер преодоления правового нигилизма, то это деятельность органов государственной власти и негосударственных образований, направленная на преодоление деструктивных явлений социальной действительности, связанных со сферой права.

Таким образом, противодействие и преодоление правового нигилизма должно осуществляться не только правовыми средствами (правовой компонент механизма), но и через систему органов разных уровней, деятельность которых будет направлена на формирование уважения к праву, повышение уровня правосознания и правовой культуры граждан (организационный компонент). Только взаимодействие этих элементов механизма преодоления правового нигилизма сможет обеспечить желаемый результат.

Вместе с тем, отметим, что органы государственной власти, деятельность которых направлена на преодоление правового нигилизма (и не только) должны осуществлять ее, основываясь на определенных исходных положениях (принципах), основными из которых являются принцип верховенства права, законности, демократизма и др.

В то же время наряду с провозглашением основополагающих принципов не менее важным в преодолении проявлений правового нигилизма является их неукоснительное соблюдение. Согласно с мнением М.И. Матузова о том, что ключевым в определении законности является слово «соблюдение». Именно в нем определяющий содержание и сущность рассматриваемого явления в любой его интерпретации, ведь если нет соблюдения, то нет и законности. Ученый справедливо утверждает, что понятие законности должно распространяться не только на сферу действия законов, но и на всю сферу их образования, то есть законотворчество, а шире – всю правотворчество, так как эти процессы также подвергаются оценке с позиции идей нравственности и законности. Акцентируется внимание на том, что законы должны уважать

прежде всего власть, иначе законность окажется неполной, ограниченной, а власть – неправовой.

Таким образом, механизм преодоления правового нигилизма – явление комплексное, которое сочетает в себе организационные и правовые меры. Последние являются базовыми и определяют правовую основу для осуществления деятельности, связанной с повышением правовой культуры граждан с целью преодоления различных проявлений деформации правосознания. Вместе с тем, для достижения желаемого результата деятельность всех государственных органов должна осуществляться на основе принципов верховенства права, законности, обеспечения гарантированных национальным и международным законодательством прав и свобод человека и гражданина.

На основании изложенного сформулируем такое определение механизма преодоления правового нигилизма: это единая система организационных и правовых мер, направленных на повышение роли и значения права в общественной жизни, уровня правовой культуры граждан с целью минимизации проявлений деформации правосознания.

К общегосударственным мерам преодоления правового нигилизма относятся:

1) обеспечительные меры, направленные на обеспечение и реализацию в государстве основополагающих принципов деятельности органов государственной власти и поведения людей. К ним относятся следующие:

- организация деятельности органов государственной власти на правовых началах;
- обеспечение реализации прав, свобод и выполнения обязанностей человека и гражданина;
- создание надлежащей судебной системы
- совершенствование национального законодательства;

2) охранные мероприятия представляют собой совокупность установленных действующим законодательством средств, регулирующих

порядок охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина – реальное обеспечение бесплатной правовой помощи социально незащищенных граждан по уголовным, гражданским и административным делам;

3) информационные мероприятия, направленные на обеспечение свободного доступа граждан к информационным ресурсам, информирование населения об изменениях законодательства в целях формирования правосознания и правовой культуры – информационное обеспечение потребителей правовой информации;

4) превентивно-просветительские мероприятия, направленные на предупреждение и предотвращение распространения различных проявлений деформации правосознания граждан – повышение уровня правовой культуры граждан путем правового образования и воспитания.

Правовое образование и правовое воспитание являются необходимыми условиями формирования правосознания и правовой культуры граждан.

Показателем прогресса любых общественных преобразований является совокупность развития духовной жизни государства, рост культуры общества в целом и его граждан. Никакие материальные блага не могут компенсировать духовного обнищания, уровень «накопления и приумножения» этих благ зависит от уровня культурного развития всех членов общества.

Учитывая необходимость преодоления массового правового нигилизма и других проявлений деформации правосознания, которые в значительной степени препятствуют развитию правового государства, на наш взгляд, именно правовоспитательное влияние на население едва ли не единственным средством, с помощью которого государство в лице уполномоченных органов способна влиять на формирование правосознания и правовой культуры граждан.

В процессе осуществления правовоспитательного процесса для достижения определенных задач необходимо применять эффективные формы правового воспитания. Таких форм насчитывают более двадцати, но среди них

выделяют наиболее основные: правовое образование (обучение), правовая агитация, правовая пропаганда, правовое самовоспитание (самообразование).

Наиболее эффективной и результативной формой правового воспитания является правовое образование (обучение), под которой понимаем целенаправленную, систематическую деятельность учебно-воспитательных и культурно-образовательных учреждений, направленную на усвоение необходимого уровня знаний о государстве и праве, формирования и повышения уровня правосознания и правовой культуры, воспитание участников правовоспитательного процесса в духе уважения к закону и правам человека.

С целью повышения правового образования и воспитания детей и молодежи, для определения современных теоретических основ воспитания, создания организационных и других условий воспитательной деятельности, содействие повышению качества последней в школьных заведениях и различных социальных институтах полагаем необходимым принятие Государственной программы воспитания детей и учащейся молодежи.

Кроме того, считаем необходимым разработать законопроект и принять Закон «О правовом образовании» необходимость разработки и принятия которого вытекает Конституции Донецкой Народной Республики, согласно которой «каждому гарантируется право знать свои права и обязанности».

Таким образом, этот нормативный акт должен определить на законодательном уровне необходимость правового образования населения, создать надлежащие условия для приобретения гражданами правовых знаний с целью повышения уровня правовой культуры и правового сознания населения. Эти меры, в свою очередь, несут в себе мощный потенциал и со временем способны максимально минимизировать различные проявления деформации правосознания, в том числе правового нигилизма.

Таким образом, рассматривая правовое воспитание как основное средство, направленное на преодоление правового нигилизма, повышение уровня правовой культуры граждан и молодежи, в частности, считаем

необходимым осуществлять такое воспитание с детства. Ведь именно с раннего возраста ребенку прививаются моральные принципы сосуществования в обществе, сознательное отношение к выполнению своих обязанностей. Кроме того, способность лица осознавать и правильно толковать предписания закона и в соответствии с ними обращаться не является врожденной, а формируется в течение жизни человека, начиная с раннего детства.

Обеспечение слаженного функционирования всех элементов механизма правового регулирования во многом зависит от состояния самой юридической социально-профессиональной группы, уровня её культуры. Юристы должны обладать большой эрудицией, навыками общения с широкой аудиторией слушателей, уметь аналитически мыслить, аргументировано доказывать социальную значимость права в жизни общества, бескомпромиссно вест и борьбу с нарушениями закона, быть внутренне убеждёнными в важности правовой политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан.

Профессиональное юридическое сообщество имеет реальную возможность принимать участие абсолютно во всех правовоспитательных мероприятиях в рамках любой из форм правового воспитания. Именно поэтому, как представляется, одним из наиболее значимых показателей качественной организации проводимых мероприятий необходимо определить, обязательное участие в них представителей юридической профессии.

Серьёзной проблемой остаётся несовершенство законодательного процесса, и определяющая роль в её разрешении должна быть отведена именно юристам. Однако, подчёркивая значение профессиональной юридической деятельности в данной области, следует также признать, что определённая доля ответственности за допущенные ошибки должна быть возложена и на юристов. Справедлива критика о том, что «иногда возникает мысль, что у нас не один законодатель, а несколько, и притом каждый из них

издает законы в своей сфере, не утруждая себя ознакомлением со смежной отраслью законодательства...»).

Таким образом, рассмотрев и проанализировав подходы ученых к проблеме преодоления правового нигилизма, а также уровень правового воспитания населения, приходим к следующим выводам. Механизм преодоления правового нигилизма – это единая система организационных и правовых мер, направленных на повышение роли и значения права в общественной жизни, уровня правовой культуры граждан с целью минимизации проявлений деформации правосознания. В систему мер преодоления правового нигилизма входят: обеспечительные меры (организация деятельности органов государственной власти на правовых началах, обеспечение реализации прав, свобод и выполнения обязанностей человека и гражданина, создание надлежащей судебной системы, совершенствование национального законодательства) охранные мероприятия (реальное обеспечение бесплатной правовой помощи социально незащищенных граждан по уголовным, гражданским и административным делам) информационные мероприятия (информационное обеспечение потребителей правовой информации); превентивно-просветительские мероприятия (повышение уровня правовой культуры граждан путем правового образования и воспитания).

Список источников

1. Волошенюк А.В. Правовой нигилизм в постсоветском обществе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Волошенюк Александр Владимирович. – Х., 2000. – 190 л.
2. Словарь иностранных слов / Н. Н. Андреева и др.; спец. науч. ред. А. В. Боброва. – 15-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1988. – 608 с.
3. Теория государства и права : Учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Юриспруденция» / Н.И. Матузов, А.В. Малько; Саратов. фил. Ин-та государства и права Рос. акад. наук. – М.: Юрист, 2001. – 511 с.
4. Керимов Д.А. Философские проблемы права / ред. Н. А. Шипелева, – Москва : Мысль, 1972. – 472 с.
5. Большой экономический словарь : 25000 терминов / под ред. А.Н. Азрилияна. – Изд. 6-е, доп. – М. : Институт новой экономики, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 1376 с.

УДК 342.7

ВОЕННЫЙ ОМБУДСМЕН КАК КЛЮЧЕВАЯ ФИГУРА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ГОСУДАРСТВА

Яременко Дмитрий Андреевич

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: deoles.yaremenko@mail.ru

***Аннотация.** В статье освещаются проблемные аспекты обеспечения защиты прав и свобод военнослужащих как субъектов с особым правовым статусом. Выделяются две группы ограничений прав и свобод военнослужащих: имеющих законные (правовые) основания и не имеющие таковых; представлен перечень факторов, способствующих возникновению ограничений, не имеющих законных (правовых) оснований. Автором предлагается учреждение специализированного института омбудсмена – военного омбудсмена; требования к кандидату, претендующему на занятие данной должности; определяется круг вопросов, в которые вмешательство военного омбудсмена обязательно.*

***Ключевые слова:** права и свободы военнослужащих, омбудсмен, военный омбудсмен.*

Нарушение прав и свобод человека и гражданина является проблемой вне времени, территории и, пожалуй, одной из тех, которые находятся под пристальным вниманием общественности. Между тем существуют виды человеческой деятельности, находящиеся по разным причинам в «тени» общественного обсуждения, ввиду чего существующие в данной сфере проблемы имеют латентный характер, что затрудняет их своевременное и полное разрешение. К таковым, например, относится служба в армии. В современных условиях действия многочисленных деструктивных внешних и внутренних факторов, одной из ключевых задач государства становится вопрос обеспечения внешней безопасности, реализация которой не возможна без боеспособной армии. В свою очередь боеспособность армии в условиях стремительного развития и внедрения во все сферы жизнедеятельности человека IT-технологий определяется множеством факторов. Однако даже в современных условиях технического оснащения и ориентации на преобладание использования технических средств и технологий над человеческим ресурсом вопросы, связанные с личным составом, являются первоочередными. Постоянный контроль над обеспечением прав военнослужащих, а также привлечение к ответственности виновных в случае

нарушения установленных прав – те обязательные условия, без которых не может идти речь о боеспособной армии государства.

Юридическая наука достаточно насыщена исследованиями, посвященными проблемным вопросам обеспечения прав и свобод человека, в т.ч. характеризующимися узкой направленностью (в отношении специальных субъектов, определённых условий и проч.). Одним из таких узконаправленных исследований, например, является работа автора на тему «К вопросу о создании института военного омбудсмана в Донецкой Народной Республике», освещающей проблему целесообразности создания специализированного института омбудсмана на территории государства, ведущего активные военные действия. В результате комплексного анализа, мы пришли к выводу о необходимости внедрения данного института в Донецкой Народной Республике [1].

Целью статьи является анализ ключевых аспектов института защиты прав военнослужащих (субъекты контроля, субъекты обеспечения прав военнослужащих, определение целесообразности внедрения специализированного института, межсубъектные связи).

Основные результаты исследования. Историческое развитие государств идёт в неразрывной связи с обеспечением внешней безопасности и военным делом: в период первобытнообщинного строя человек стремился защитить себя и свое «племя»; с переходом к государственному строю, обострилась проблема защиты территориальности, поскольку увеличение территории неизбежно приводит к росту населения. В свою очередь следствием роста населения является проблема увеличения числа лиц, готовых встать на защиту «родины». Таким образом, возникает необходимость создания регулярной армии, способной в любой момент защитить территорию государства, а в случае необходимости сделать всё возможное для ее расширения.

На протяжении всей человеческой истории и вплоть до середины XX-го принципы «кто сильнее тот и прав», «победитель всегда прав» являлись основополагающими, до момента закрепления в Уставе Организации

Объединенных Наций принципов: 1) неприменения силы или угрозы силой; 2) мирного разрешения споров; 3) невмешательства [2]. Любой вооруженный конфликт наряду с наращиваем оборонного и военного потенциала неизбежно ведет к человеческим жертвам. Именно поэтому, можно констатировать, что следствием принятия данных принципов, стало улучшение демографической ситуации в мире. Несмотря на то, что современные государства не используют агрессивную политику для реализации военных целей, военные конфликты по-прежнему остаются ординарным средством решения межгосударственных и международных споров. Таким образом, с уверенностью можно говорить, что и на сегодняшний день армия сохраняет свою значимость для государства, являясь важнейшим элементом сохранения его «жизнеспособности». Вместе с тем именно военнослужащие как специальные субъекты относительно остального населения государства, зачастую подвержены нарушению своих прав.

Обеспокоенность данной тематикой вызвана также тем, что современный «гуманистический» подход государств выражается в «громогласных» заявлениях о необходимости сохранения жизни человека, обеспечения его прав и недопустимости их нарушений, но при этом специальные субъекты зачастую не могут рассчитывать на выполнение всех гарантий, ввиду различных обстоятельств.

Обстоятельства, препятствующие реализации прав военнослужащих, условно можно разделить на имеющие законные (правовые) основания, т.н. обоснованные, и на ограничения, не имеющие законных (правовых) оснований. Обоснованные ограничения прав становится возможным определить исходя из родовой принадлежности конкретной категории субъектов [2], а именно:

– право на свободное передвижение, а также выезд за пределы государства;

- право неприкосновенности частной жизни, а также тайны переписки и телефонных разговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений;

- право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены. [3]

Несмотря на то, что перечисленные права должны гарантироваться каждому, мы понимаем объективность невозможности их соблюдения в отношении военнослужащих, как специальных субъектов.

В противоположность выше рассмотренной группы прав, как уже сказано выше, нами выделены ограничения прав, не имеющие под собой законных (правовых) оснований, предпосылками к возникновению которых являются:

- коррумпированность высшего начальствующего состава;
- некомпетентность командующего состава;
- низкий уровень морально-нравственных качеств, как военнослужащих, так и командующего состава [5];
- низкий уровень поддержки военнослужащих гражданским населением.

Исходя из вышесказанного, мы можем утверждать, что ввиду особенностей правового статуса военнослужащих не каждое ограничение их прав и свобод должно рассматриваться как вопиющее нарушение, требующее немедленного реагирования со стороны компетентного субъекта.

При этом необходимо отметить, что ограничения, не имеющие законного (правового) основания должны рассматриваться в особом порядке, например, через обращение в соответствующем порядке в Министерство обороны, в компетенцию которого входит не только обеспечение безопасности государства, но и недопущение нарушения прав и свобод военнослужащих. Однако в этой связи проявляется целый ряд проблем: коррумпированность, личные связи, некомпетентность, профессиональная

деформация, что становится ключевым фактором бездействия и отсутствия реагирования на возможные нарушения. Исходя из этого, следует вывод о необходимости создания профильного негосударственного органа, занимающегося обеспечением и защитой прав и свобод военнослужащих, которым может стать институт омбудсмена.

Так, примером нарушения прав военнослужащих может являться дело, рассмотренное Волгоградским гарнизонным судом, по которому административным истцом выступал бывший военнослужащий, оспаривавший решение о его увольнении, а также дату исключения из списка личного состава части [6]. В ходе рассмотрения дела судом было принято решение о законности увольнения и отсутствии нарушений в деятельности непосредственного командира истца, а также аттестационной комиссии. При этом, в своем решении суд удовлетворил требование о внесении изменений в приказ об увольнении, ввиду чего компенсировал недополученное довольствие. Таким образом, из решения суда следует, что процесс увольнения с воинской службы был произведён с учётом всех требований закона, а также при участии не только непосредственного и прямого командования указанной войсковой части, но и с привлечением представителей Министерства обороны, следовательно, права истца при его увольнении не были нарушены. Однако имеет место ряд нарушений, связанных с выплатой денежного довольствия ввиду незаконного исключения истца из списков личного состава части, что является прямым нарушением прав военнослужащего. Несмотря на частичное удовлетворение иска и восстановление нарушенных прав истца, следует отметить длительность процесса, чего можно было избежать в случае обращения в специализированный орган, такой как институт омбудсмена. То есть, мы полагаем, что учреждение военного омбудсмена и вступление его в процесс рассмотрения дела на этапе работы аттестационной комиссии не только упростило бы рассмотрение дела истца, но и способствовало сокращению времени его рассмотрения.

Ключевой особенностью данного органа должна являться независимость и незаангажированность от Министерства обороны и каких-либо иных государственных должностных лиц, относящихся к вооруженным силам.

Основным фактором реализации должен стать субъектный состав, что и является основной проблемой ввиду сложности и неоднозначности рассматриваемой сферы. На наш взгляд, лицо, претендующее на занятие должности военного омбудсмана, не должно иметь длительный опыт в военной сфере ввиду профессиональной деформации, способствующей восприятию определённых действий как вполне обыденных и не нарушающих прав военнослужащих, а также фактора «личных связей», что возвращает нас к ранее приведенной проблеме с Министерством обороны. При этом утверждать, что лицо, претендующее на данную должность, не должно иметь никакого военного опыта мы не можем в силу неоднозначности многих процессов, которые «гражданское лицо» не может понять и разрешить ввиду своей неосведомленности. Таким образом, мы считаем, что решение проблемы субъектного состава может быть реализовано двумя способами:

- установление требования к кандидату на должность военного омбудсмана в виде ограничения общего пребывания на службе не более пяти лет;
- установление института омбудсмана как коллегиального органа с присутствием в нем как военных, так и гражданских лиц.

Немаловажным дискуссионным вопросом является компетенция данного органа. Специфика деятельности вооруженных сил государства является сложным механизмом, реализация которого напрямую может влиять на существование и функционирование государства. С одной стороны, беспрепятственное вмешательство институтом военного омбудсмана в деятельность того или иного субъекта вооружённых сил может негативно отразиться на обороноспособности государства; с другой стороны, даже в сфере вооруженных сил есть направления деятельности, в рамках которых есть большая вероятность нарушения прав и свобод военнослужащих. Так, по

нашему мнению, вмешательство военного омбудсмена необходимо в следующих вопросах:

- вопросы, связанные с деятельностью военных комиссариатов в рамках призыва;
- вопросы, связанные с обеспечением прав военнослужащих, проходящих срочную службу;
- вопросы, связанные с деятельностью военных комиссариатов в период мобилизации;
- вопросы, связанные с обеспечением прав мобилизованных, добровольцев, и солдат-контрактников;
- вопросы, связанные с обеспечением прав лиц, уволенных в запас, получивших ранение, погибших.

Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что деятельность специализированного омбудсмена должна быть напрямую связана с работой военных комиссариатов, а также войсковых частей, что позволит выявить нарушения прав военнослужащих на ранних этапах с целью немедленного их устранения и восстановления нарушенных прав.

Исходя из вышеизложенного, следует вывод не только о целесообразности, но и необходимости создания специализированного института военного омбудсмена, что обусловлено не только существующими внешними и внутренними деструктивными факторами, но и важностью обеспечения защиты прав и свобод военнослужащих. Учреждение и деятельность военного омбудсмена, в результате, обеспечит поддержание должного уровня боеспособности армии на постоянной основе. Так, ключевыми в деятельности военного омбудсмена должны стать следующие аспекты: прямая работа с военными комиссариатами и войсковыми частями; работа с органами исполнительной власти в сфере социального обеспечения; работа с Министерством обороны в случае выявления нарушений прав военнослужащих и совместная работа по их устранению. Таким образом,

создание института специального военного омбудсмана является, на наш взгляд, обоснованным, что в современных условиях позволяет требовать его учреждение в кратчайшие сроки.

На наш взгляд, внедрение нового института, направленного на обеспечение и защиту прав и свобод военнослужащих, будет содействовать ускорению и выполнению задачи, поставленной Президентом Российской Федерации, а также Министром обороны по увеличению численности армии.

Список источников:

1. Степанова Ю.С., Яременко Д.А. К вопросу о создании института военного омбудсмана в Донецкой Народной Республике / Ю. С. Степанова, Д. А. Яременко // Право и правосознание в период вооруженных конфликтов. – 2019. – № 3. – С. 196-208.

2. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087/. (дата обращения: 16.05.2022).

3. Серпик В.Д. Права и свободы человека и гражданина // Образование и право. – 2022. – №4 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-i-svobody-cheloveka-i-grazhdanina>. (дата обращения: 20.04.2022).

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL упу: <http://pravo.gov.ru/>. (дата обращения: 16.05.2022).

5. Маслов К. В. Проблемы правоприменения при реализации прав и свобод военнослужащих срочной службы [Электронный ресурс] // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2010. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravoprimereniya-pri-realizatsii-prav-i-svobod-voennosluzhaschih-srochnoy-sluzhby>. (дата обращения: 30.06.2022).

6. Решение Волгоградский гарнизонный военный суд от 27 января 2020 г. по делу № 2А-1/2020 [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/sHQbWtxTIRUp/>. (дата обращения: 30.06.2022).